

АННА МЕДЬ

БАБКА

Анна Медь

Бабка

«Автор»

2023

Медь А.

Бабка / А. Медь — «Автор», 2023

Обычная студентка не по своей воле меняет свою судьбу. Желая получить любовь, она лишается привычной жизни и вынуждена постоянно рисковать собой. Силы зла видят в ней угрозу и мечтают заполучить юную душу

© Медь А., 2023

© Автор, 2023

Анна Медь

Бабка

Бабка Анисья умела заговаривать прыщи. Когда Вике было тринадцать, бабушка Настя отвела ее к соседке, живущей неподалеку. Та посадила девочку перед печкой, достала уголек, водила им вокруг лица и что-то приговаривала шепотом. Тогда Вике было смешно, но прыщи непонятным образом сошли на нет несмотря на то, что Вика во всякие заговоры не верила.

Тот случай благополучно забылся Викой как нечто случайное и не стоящее воспоминаний. Но после недавнего случая всплыл в памяти взрослой двадцатилетней девушки с чистым лицом, которое после того заговора чудесным образом больше ни разу не воспалилось.

Сегодня Вика ехала в гости к своей старой бабушке Насте, а заодно хотела навестить бабку Анисью, чтобы разузнать у нее кое-что важное – как навести порчу на свою соперницу Варьку, чтобы та перестала нравиться ее другу Борису.

В доме бабы Насти пахло лекарствами и мочой, стекла в грязных узорах показывали заросший палисадник. Баба Настя еле ходила по дому с палочкой в стоптанных велюровых тапках и цветастом халате с оторванной пуговицей снизу. «Да, совсем плоха бабушка», – подумала Вика, переступив через высокий порог и споткнувшись о смятый коврик. «Но вот не хочет же к нам в город перебираться, а мы здесь тоже не можем с ней остаться», – Вика сняла сапоги и, не найдя тапок, босиком переступила коврик, половица скрипнула.

– Ба, а Анисья-то жива? – Вика вытянула губы трубочкой и дула на пар, поднимающийся из чашки.

– Жива, заходила тут недавно, сказала, мой срок есчо не скоро, в этом году не помру, – улыбнулась баба Настя, разглядывая бесцветными глазами выросшую внучку.

– Значит, не помрешь точно. Ты давай, к нам собирайся, полегче будет самой, мы поможем с матерью.

– Да ну вас, – махнула рукой баба Настя, – а дом куды? Я же тут всю жизнь прожила, тут и помру.

– Ох и упрямая ты, баб Насть, – Вика откусила конфету «Гусиные лапки» и вспомнила, что уже тысячу лет не ела этих конфет. А баба Настя всегда покупала только эти. – Ба, а как думаешь, Анисья порчу наводит умеет?

– А тебе зачем? – прищурилась баба Настя, отодвинув в сторону сахарницу с «Гусиными лапками».

– Да так, – Вика пожала плечами, – просто интересно.

– Ты не темни давай. Говори, зачем приехала, – внезапно изменившимся голосом заговорила баба Настя и наклонила голову влево. – Чую, не меня проведать решила. А чего тогда?

Вика всегда знала, что нрав у ее бабы Насти неуживчивый, требовательный, оттого мать Вики в восемнадцать и сбежала из дома замуж, чтобы вырваться из-под опеки строгой матери.

Оттого и сейчас не очень старается ее из деревни к себе забрать, чтобы ухаживать. Знает, не уживется ни с кем баба Настя.

– И все-то ты про меня знаешь, бабуль, – решила смягчить ситуацию Вика и положила свою ладошку на морщинистую ладонь. – Ладно, скажу, как есть. Все равно без тебя Анисья меня на порог не пустит.

– Это верно, – крякнула баба Настя.

– Есть у меня друг, встречаемся два года уже, замуж хочу, люблю его.

– А он что ж? – баба Настя начала развязывать пакет с «Гусиными лапками», чтобы подложить их еще в сахарницу.

– Он тоже меня любит. Но недавно к нам в группу в универе пришла девчонка одна, наглая, страшная, глазищи зеленые, волосы рыжие, и все время на Бориса пялится. А недавно начала к нему клинья подбивать: то сумка у нее тяжелая, просит донести по лестнице, то ногу подвернула и ему на руки валится. Чую, отбить его у меня хочет.

– А что ж ты от Анисьи то хочешь? У вас дело молодое, само решится.

– А вдруг не решится? Уведет Варька моего Бориса. А я без него не могу, люблю же. И Варьку уже ненавижу. Вот и хочу узнать у бабки Анисьи, что сделать можно. Может, порчу на нее навести, а может, приворот на Борьку сделать?

– Не туда ты лезешь, внучка, ох не туда. Там, где нечисть вмешивается, любви и счастья не бывает, – покачала головой баба Настя.

– Ну почему? Она же мне заговорила тогда прыщи? И ничего плохого в этом не было.

– Ладно, пойди к ней, скажи, я тебя отправила, все, что мне рассказала, ей тоже расскажи. А уж она пусть сама решает, помогать или нет, – баба Настя, покачивая головой, полотенцем протерла порезанную по краям скатерть.

Вика быстро юркнула в прихожую, сняла с крючка куртку, натянула сапоги и выскочила за дверь.

Через пять минут она уже стояла у мокрых, с облупившейся темно-зеленой краской, ворот.

На удивление Вике, Анисья сразу ее узнала и впустила в дом.

– А, проходи, давно тебя не видела, – распахнула она металлическую дверь, впустила гостью и скрипнула засовом.

В доме пахло совсем иначе. Запах сушеных трав, ацетона и пригоревшего молока был повсюду. Целлофановые пакеты с жеваными ручками и стертými рисунками хаотично висели на выступающих поверхностях и лежали на кровати, в углах на полу и на подоконнике. Однако

весь этот бардак казался не случайным, а имеющим свой особый, чужому человеку неведомый, смысл.

– Рассказывай, что понадобилось в нашей глуши, – Анисья уселась напротив Вики и взглянула на нее исподлобья, – только быстрее говори, некогда мне тут расслаживаться, бабе Насте твоей надо микстуру варить, а то еле ноги волочет.

– Да, бабушка совсем плоха, – вздохнула Вика, – а я вас спросить хотела. Слышала, что соперницу можно отвадить с помощью заговоров или трав каких-нибудь. Или может пор...

Анисья выставила руку ладонью вперед прямо ко рту Вики, не давая той договорить.

– Сама не знаешь, что мелешь. Опасное это дело. Вы все равно вместе с Борькой не будете долго.

– Откуда знаете, как его зовут? – Викино сердце подпрыгнуло к подбородку. – Я же не говорила.

– Я много чего знаю, а откуда, лучше не спрашивай.

– Но я же люблю его. Очень. А та девка...

– Та девка не простая, знаю. Над мужиками власть у нее всегда будет. А ты не завидуй, потому что за свою власть она кое-что важное отдает, сама того не ведая.

– Неужели ничего нельзя поделаться? – Вика расстроено захрустела пальцами, надувая губы.

– Зря маешься, не суждено тебе с ним жить. Долго вместе не пробудете.

– А можно хотя бы попробовать? – не унималась Вика. – Вдруг получится?

– Какая ты упрямая, вся в бабку свою, – зацокала языком Анисья. – Есть же люди – сами не знают, чего просят, а потом жалуются.

– Я не буду жаловаться. Обещаю. Только помоги от девки этой избавиться, – Вику передернуло от воспоминаний о том, как рыжая Варька победно улыбнулась, когда рухнула Боре на руки, оголив свои ноги до того самого места и выпятив грудь пятого размера ему под нос.

Воспоминание было настолько ярким, что Анисья различила в Викиных глазах даже цвет юбки, трещащей по швам на Варькиной заднице.

– Ладно, – почесала Анисья свой нос мозолистым пальцем. – Не веришь мне на слово, будет по-твоему. Только потом не плачь.

– С чего мне плакать, если Борька со мной будет?! – Вика захлопала широко распахнутыми глазами и чуть не зааплодировала, как ребенок, которому обещали купить желанную конфету.

– Только условие одно есть у меня. Чтобы Борька от той девицы отвернулся, ты мне отдашь то, что у тебя есть, но ты этого не замечаешь, – прищурилась Анисья.

Вика нахмурилась, пытаясь понять, про что та говорит. Ничего такого на ум не приходило, и девушка решила, что раз она этого не замечает, значит, ей это совсем не нужно, а если не нужно, то и расстаться с этим не жаль.

– Я согласна, – Вика глянула в угол комнаты, откуда что-то с грохотом шмякнулось об пол. – Кто это там? Кот?

– Нет у меня котов и не будет никогда, – усмехнулась Анисья и пошла шарить по пакетам, выгаскивая откуда шуршащую траву, откуда – сухие ветки, а откуда – маленькие баночки, похожие на те, которые на спину ставят при простуде.

Вскоре на круглом трехногом столе появилась смесь, которая пахла, звенела и брякала, когда перекладывала нужное количество ингредиентов в почерневший медный таз.

– Ты иди к бабке своей, не стой над душой, через час придёшь, готово будет. Заодно микстуру мою лечебную передашь.

Вика кивнула и выскочила за дверь, потому что в углу снова что-то шлепнулось об пол. И это был не кот.

– Ну что, договорились? – баба Настя с порога пристала к внучке.

– Да, обещала помочь. Но взамен что-то странное попросила. Чудная она. Наверное, сама не поняла, что просит.

– Это чего? – баба Настя резко обернулась и чуть не упала, споткнувшись о коврик.

– Попросила то, что у меня есть, но я этого не замечаю, – пожала плечами Вика, выпятив вперёд нижнюю губу.

– И ты согласилась? – вдруг заблестели глаза у бабы Насти.

– Да, а чего? Мне не жалко того, чего я не знаю.

– Ой, дура ты, внучка, ой дура, – запричитала баба Настя.

Вика надула губы. «Ну и ладно, зато с Борькой буду», – подумала она и неожиданно для себя спросила.

– Ба, а кто у бабки Анисьи в доме живёт? Она говорит, котов нет, а кто-то у неё все на пол шлепается со стула.

Баба Настя моментально нахмурилась.

– Видала, значит, ентово окаянного. Дак никто ж не знает, кто это, и сама Анисья не знает, только рассказывала, что по дому у неё кто-то шорхается. В делах её помогает: то пакеты

развесит, то просыпанное назад уберёт. Сама она его тоже не видела ни разу. Только слышит, да иногда с ним шепчется, советуется. Говорит, он не отвечает ей, но она всегда знает, что и как делать после его совета. Этот окаянный ейного кота и извел первого, с тех пор она никакую животину в дом не брала, говорит, не выживет все равно.

– Ну и жуть ты рассказываешь, ба, – Вика поежилась.

– А ты думала, раз она заговоры и травы ведаёт, то шуточки шутит с ними? Нет. Тёмное дело всегда сурьезное. Незнамо как обернуться может. И лучше такие дела стороной обходить.

– Ты ж сама водила меня к ней прыщи заговаривать, значит, все-таки иногда можно?

– Водила, – баба Настя опустила глаза, – так то ж прыщи, а ты-то за другим приехала. Жизнь менять чужую. Выбора своего лишать человека. Вот как сделает теперь Анисья, так твой Борька жить и начнет.

– Да, и мы вместе будем с ним! Кроме этого я и не хочу ничего, – закивала Вика.

– Не всегда «вместе» это счастливо, молодая ты еще, многого не понимаешь. Но поверь мне на слово, Анисья зря ничего не говорит и не делает. Если поможет тебе сейчас, значит, себе что-то твое важное заберет, хоть ты об этом важном сейчас и не знаешь. А потом вспомнишь, понадобится оно тебе, а взять неоткуда. Анисья к себе пристроила. Подумай, пока есть время. Хочешь, сама к ней соберусь схожу, скажу, что ты передумала. Мне вон чулки тока надеть да калоши.

– Баб Насть, не выдумывай. Ничего такого важного забрать Анисья у меня не может, потому что о важном всегда знают. Да и даже если важное, пусть. Зато Борька мой будет. А то, что вместе плохо нам будет, и разбежимся, так этого вообще быть не может. Мы созданы друг для друга. Если бы не эта рыжая девка, он давно бы мне предложение сделал. Поэтому Анисья мне чуточку поможет, и все. Дальше я справлюсь.

– Ну, смотри сама, – баба Настя поникла и обессиленно сползла на деревянную табуретку у стены. – Я с Анисьей давно дружу и плохого о ней не скажу, но в темных делах дружбы не бывает. Не посмотри она, что ты моя внучка, и не надейся.

– Ба, я все понимаю, но ты ведь тоже была молодой. Любила. Верно?

– Да, любила, но за мужиками сама не бегала и по бабкам тем более. Знала: если не смотрит на меня, значит, не мое это. А вы, молодые, привыкли все получать, что хочется.

– Ладно, ба, не причитай. Хорошо все будет. А как думаешь, этот, кто у бабки Анисьи живет, домовый или кто?

– Да леший его знает. Он же Анисье не представлялся. А что ты так все о нем выпрашиваешь? – баб Настя встала с табуретки и поковыляла к столу.

– Думаю, если это настоящий домовый и если его поймать, то он столько же полезного сделать для людей может...

– Иди ты, – замахала руками на Вику баба Настя, оглядываясь по сторонам, – совсем умом тронулась? Откуда только такие мысли в твою голову лезут?

– Ладно, ладно, шучу я, шучу, – усмехнулась Вика, а сама подумала, что домовые ведь и правда много чего умеют, может, даже больше, чем Анисья. И если бы попасть в дом к Анисье, пока той нет, и поймать домового, то можно было бы потом всю жизнь жить припеваючи и даже не работать.

Баба Настя шумно вздохнула, убрала под платок прядь выбившихся седых волос.

– Ох, чую я неладное. Не будет добра от этого дела. Так ведь все равно меня не слушаешь.

– Пойду, подышу немного, – Вика задумчиво посмотрела в окно на покосившийся забор заброшенного палисадника и жухлую траву. – Может, все-таки переедешь к нам?

Баба Настя махнула рукой.

– Иди, иди, подыши, глядишь, мозги проветрятся и передумаешь.

– Не, баб Насть, не передумаю. Я ради Бори на все готова, – поджала губы Вика, вспоминая его растерянный взгляд, когда рыжая Варька попросила донести тяжёлую сумку по лестнице, хотя сумка до этого болталась на одной ее руке.

– Ух, гадюка хитрая, – прошипела Вика, вытянув губы, и вышла на улицу.

Дом выглядел, как его хозяйка, старым, но крепким, пожившим свое, но еще не собиравшимся умирать. Он уже не стоял ровно, а будто опирался на свой фундамент – где сильнее, а где из последних сил.

Дом бабки Анисьи же, хоть и казался намного живее и моложе за счет резных наличников, но смотрел из окон как-то неласково и пугающе.

Вдруг Вика увидела серого кота, который шустро юркнул под ворота дома бабки Анисьи, и через секунду три черные кошки выскочили оттуда же и разбежались в три разные стороны.

– Тьфу, тьфу, тьфу, – машинально переплюнула через левое плечо Вика и услышала, как ворота скрипнули.

– Заходи, чего шлындаешь зря, – махнула рукой Анисья, натягивая платок с плеч на голову.

Вика улыбнулась и, опустив глаза, запрыгала как по минному полю, пытаясь не вляпаться в жижу грязи после дождей на проселочной дороге.

Перед входом в дом, во дворе, на лавке рядом с металлическими ведрами стояла полулитровая банка с мутным содержимым и небольшой пузырек, от которого сильно пахло вальерьяной.

– Выпей, – Анисья протянула Вике банку прямо на улице, – потом в дом зайдешь.

Холодное стекло обожгло губы жидким варевом так, что Вика чуть не потеряла равновесие. Анисья поддержала ее за руку и помогла войти в дом.

– Вот и хорошо, вот и хорошо, так вернее будет, – приговаривала она, и Вике теперь казалось, что она слышит только эхо знакомого голоса.

Голова налилась свинцом, ноги и руки почти не шевелились. Как замороженная, Вика сидела перед зеркалом и иногда ощущала прикосновения холодных рук к лицу, к затылку, к вискам с обеих сторон, а иногда слышала, как эхом разливались обрывки бабкиных слов по комнате. Запах горелого молока становился все сильнее, и скоро Вике стало тяжело дышать. Она открывала рот, пытаясь сделать вдох, но вместо этого только вдыхала, как ей казалось, горячий молочный пар, который не давал ее легким насыщения.

Наконец Вика услышала слова целиком и вздрогнула, будто проснулась.

– Теперь возьми банку, добавишь в тесто, спечешь пироги и угостишь соперницу. Пироги надо приготовить на убывающую луну и угостить в тот же вечер до заката солнца. И запомни, что бы в эту ночь не происходило с тобой – не верь. Это нечисть над тобой куражится, радуется, что до света допущена. Накуражится, наиграется, а потом за дело примется. Все запомнила?

Вика кивнула, хотя не совсем понимала, что происходит, как пьяная вышла за порог дома с банкой в руках и пошлепала по грязи, не разбирая дороги.

– погоди, а микстуру-то для своей бабы Насти забыла?! – крикнула вслед Анисья, но Вика ее не слышала. Чавканье кроссовок по серой жиже, мяуканье котов неподалеку и громовые раскаты, внезапно забухавшие рядом, поглотили все ее внимание.

Когда Вика открыла глаза, оказалась, что она лежит на высокой жесткой кровати бабы Насти. Рядом никого не было. Вика попробовала встать, спустила левую ногу вниз, но острая боль придавила тело.

– Ба-а-а, – протяжно позвала Вика.

– А, очухалась, – отозвалась баба Настя из кухни, – думала, неделю проспишь. Чуть меня не зашибла, когда в дверь ввалилась, как пьяная.

– Не помню, – Вика терла виски подушечками пальцев, – ничего не помню. Только трех черных котов, потом банку у бабки Анисьи. И все. Остальное как в тумане.

– Ну а что ж, – сморщила лоб баба Настя, – дурное дело, оно нехитрое. Я тебя предупреждала.

Вика закинула ногу обратно на кровать и отвернулась к стене. Часы тикали в каждую клеточку ее головы, вызывая сильную боль. Хотелось только спать и не чувствовать хворь, но анальгин не помог, а других таблеток в доме не было. К вечеру полегчало.

– Ба, я, пожалуй, поеду на последней электричке, – попыталась улыбнуться Вика, – а то завтра на учебу рано вставать, да и дел еще много. У тебя есть пакет поприличней банку положить?

– Езжай, езжай, – грустно кивнула в ответ баба Настя и полезла в старый комод, где лежали несколько разноцветных смятых пакетов. – Голова-то прошла? Ты там не забывай бабку–то, и матери привет передавай от меня.

– Конечно, не забуду, бабуль, – обняла ее Вика.

– А если совсем худо будет, то приезжай сразу. У Анисьи помощи попросить можно, а то знаешь, темные дела незнамо с какого боку вылезти могут, да так, что ни один батюшка потом не отмолит.

– Не переживай за меня, все будет хорошо, и береги себя, – крикнула на прощание Вика, торопливо семеня в кроссовках с прилипшей к подошве грязью.

– Ну, ну, с Богом, – окрестила ее вслед баба Настя и вернулась в комнату. – Прибежит обратно скоро, точно прибежит, да к Анисье в ноги кинется.

В университете перед парой Борис выглядел не очень. Опухшие веки и одутловатое лицо, источающее запах перегара, выдавали то, чем он занимался без Вики.

– Привет, – девушка бросилась к любимому и втянула носом запах рядом с его шеей, пытаясь учуять нотки женских духов. Но нет. Несло только перегаром и немного чесноком.

Легкая небритость придавала мужественности и отвлекала от помятого воротничка клетчатой рубахи со следами пива на животе.

– Ага, привет, как съездила? – Борис отстранил от себя Вику и поморщился, будто это она сейчас стояла перед ним после бодуна. – Чем от тебя пахнет? Молоком каким-то...

– Ой, извини, – Вика покраснела, нюхая свои руки и толстовку. – У бабушки была, та за молоком не уследила, теперь запах этот горелый везде преследует, – соврала девушка, удивляясь, что сама этого запаха не чувствует.

– Понятно, как бабушка?

– Все хорошо, а давай вечером сходим куда-нибудь? – Вика вытянула губы и прилипла пальцами к помятому воротничку рубахи, будто пыталась выпрямить хотя бы сантиметр.

– Сегодня не могу, надо к родителям съездить, обещал уже.

– А я? Можно с тобой? – Вика прижалась к Борису грудью.

– Наверное, не получится, со мной Варя поедет, у нее там недалеко подруга живет, и ей одной страшно на конец города ехать. А вы вроде поссорились? – покраснел тот.

Вику будто кипятком ошпарило, и она отпрыгнула в сторону.

– Как с Варей? То есть она тебе дороже, чем я?

– Не говори ерунды, мы просто дружим. Впрочем, если хочешь, поехали с нами, но сама же беситься начнешь.

– Иди к черту, – Вика надулась, и глаза наполнились слезами, – никуда я не поеду с вами. И вообще. Не хочу тебя видеть.

– Хватит истерить! – вспыхнул Борис. – И так голова болит, и ты еще ведешь себя как маленькая.

Викины ноздри расширились, приготовившись спалить Бориса огнем, но вспомнив про верное средство, которое у нее теперь есть, девушка молча развернулась и ушла. От злости внутри все клокотало, и сердце прыгало до подбородка, однако лунный календарь быстро привел ее в чувство. Оказалось, убывающая луна уже завтра. Самое время печь волшебные отворотные пирожки.

«Ничего, скоро посмотрим, как ты запоешь, Боренька» – думала она на парах, выискивая с телефона рецепты теста для пирогов.

Вечером, кусая губы, Вика все ждала, что Борис позвонит ей и попросит поехать с ним или хотя бы извинится. Но тот и не думал идти на поводу у Вики.

К ночи злость на обоих и желание получить свое продиктовали Вике идеальный план действий на завтра. Осталось только хорошенько постараться, чтобы затащить Варьку на пироги. В универе Борис вел себя, будто ничего не случилось, а Варька победно улыбалась, периодически встречаясь с Викой глазами.

Напитавшись как губка волной воспоминаний обо всех прикосновениях Варьки к Борису, которые Вика видела и о которых догадывалась в своем воображении, набрав в легкие воздух и выпалив пулеметом приглашение домой на чай, Вика увидела, как Варька сморщила нос и замотала головой.

– Не, не пойду, делать мне больше нечего.

– Я хотела про Борю поговорить, – шепнула Вика и огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не слышит. Ей отчего-то казалось, что о коварном плане непременно кто-то попытается узнать и помешать.

Варька тарщила глаза на странную подружку Бориса, которая была явно не в себе, а потом вдруг прыснула от смеха, решив, что эта встреча может оказаться забавной, и ей будет потом, о чем рассказать подругам. И согласилась.

– Ой, извини, анекдот вспомнила, – оправдалась она за свой приступ веселья.

Вика выдохнула.

– В пять нормально? – уточнила Вика.

– Может, все-таки в кафешку какую? – сдерживая улыбку и пряча глаза вбок, поинтересовалась Варька.

– Нет, нет, домой. Я тебя пирогами угощу! – зачем-то лягнула Вика, покраснела и почувствовала себя полной дурой.

– Ну ладно, адрес в смс скинь, зайду. Но ненадолго, – сверху вниз, как удав на кролика, посмотрела Варька, а потом отвернулась, достав зеркальце и помаду.

Тесто, к счастью, не капризничало. Пироги получились пышные, ароматные, с брусникой. Жидкость из банки пахла только в самой банке, а в пирогах оказалась совершенно незаметна.

Варька опаздывала, и Вика нервничала. Переносить план на другой день не хотелось, тем более что сегодня все звезды сходились. Викина мама работала в ночную, с Борисом сегодня после ссоры встречи не намечалось. Дело оставалось только за Варькой.

Когда зазвенел звонок, Вика поняла, что пришло время изменить свою судьбу, а заодно жизни еще как минимум двух людей. Если бы она тогда знала, чем для нее закончится задумка с отворотом, то совершенно точно бы в тот вечер не открыла дверь, не впустила бы Варьку и не угостила бы пирогами. Но Вика не знала.

– У тебя что, молоко убежало? – повела носом Варька, скинула балетки в коридоре у входной двери и, не дождавшись ответа, прошла на кухню. Скрипнув табуреткой по полу и оседлав её, закинула ногу на ногу.

– А кто это у тебя? – изумленно подняла она глаза на Вику, застывшую у входной двери с полотенцем.

– Где?

– Кот, что ли? Вон, за занавесками прячется, – Варька махнула рукой в сторону шторы у холодильника.

Тут же в памяти Вики всплыл «ентот окаянный», который жил у бабки Анисьи. Вика подошла к холодильнику и одернула штору, за которой в картонной коробке лежал репчатый лук.

– Померещилось тебе, наверное, – пожала плечами она. – У меня нет животных.

Варька окинула взглядом кухню, качнувшись на ножках табуретки.

– Так о чем поговорить хотела?

– А, да, давай сначала чаю налью, и поговорим, – засуетилась Вика, стараясь не смотреть гостю в глаза, – тебе с сахаром?

– Не, я фигуру берегу, на диете, – довольно проговорила Варька, втянув живот.

«Боже мой, а если она и пироги откажется есть?» – Вика побледнела и заговорила, пытаясь скрыть волнение.

– Варь, зачем тебе диета? По-моему, ты и так хорошо выглядишь, – сняла Вика полотенце с тарелки, на которой лежали ещё горячие пирожки с брусникой.

– М-м-м, – повела носом Варька, – а с чем?

– С брусникой, – обрадовалась Вика вопросу.

Чайник щёлкнул, и хозяйка разлила чай в чашки. Варька покусывала губы и елозила на табуретке. Прямо перед глазами лежали свежие мягкие пирожки с её любимой брусникой. Как раз такие, от которых она отказывалась вместе шоколадом и печеньками уже два месяца.

Вдруг за окном свернула молния, и раскат грома бахнул так, что задрожали окна. В кухне погас свет.

– Наверное, пробки вылетели, – испуганно посмотрела на Варьку Вика и пошла к входной двери.

«Надо же, как темно сегодня на улице, может, из-за грозы?» – подумала Варька и растерянно проводила Вику взглядом.

Через минуту, справившись с рубильником на щитке, Вика вернулась и застала Варьку, пожирающую её отворотный пирог. Та его не просто ела, а запихивала в себя, уставившись в одну точку.

– Вкусно, – с набитым ртом, краснея, ответила Варька, заметив, что на нее смотрят.

У Вики от неожиданного и простого решения всех ее проблем что-то щелкнуло в области сердца, будто камень оттуда скатился, а потом поднялся к ее горлу и застрял там. Неожиданно для себя и Варьки Вика закрыла лицо руками, забежала в ванную и разрыдалась как ребенок.

– Ты чего? – с набитым ртом постучала в дверь Варька через пару минут.

– Просто... настроение скачет. Как ты себя чувствуешь? – всхлипывая, спросила Вика.

– Нормально я себя чувствую, – продолжая жевать пирог, отозвалась Варька. – Может, я пойду лучше, а?

Обрадовавшись прекрасной возможности прямо сейчас завершить встречу, Вика вышла из ванной, обмахивая пальцами покрасневшие веки и всхлипывая.

– Извини, нервы шалют, перед этими днями часто так. Мы с тобой в другой раз поговорим. Обязательно.

Варька запихивала в рот второй пирожок и растерянно кивала.

– А можно я с собой ещё этот возьму? – не стесняясь, она взяла с тарелки третий пирожок.

– Д-да, конечно, – нерешительно кивнула Вика.

Через пять минут гости в квартире уже не было. Вика подошла к тарелке с пирогами и выкинула оставшиеся в мусорку. Ноги и руки почему-то леденели, хотя термометр в квартире показывал плюс двадцать. За окном громыхало и сверкало.

«Она ушла под дождь без зонта, – отметила про себя Вика с застывшим лицом, – хотя какое мне до нее дело».

В квартире снова вылетели пробки, и дом погрузился в полутьму, которую время от времени нарушало сверкание молнии.

Непреодолимое желание лечь и не двигаться овладело Викой. В один момент вся ее жизнь показалась совершенно бессмысленной. Борис, Варька, университет, баба Настя – все виделось каким-то далеким и неинтересным, как будто из чужой жизни, до которой Вике нет никакого дела.

Девушка легла в полутьме на диван без подушки, скрестив на груди руки, и уставилась в потолок, где время от времени разыгрывался театр теней от макушки березы за окном. Женский крик прямо в ухо заставил Вику вскочить с дивана.

– Вика, помоги мне, – прозвучало дважды слева.

Вытирая холодный пот со лба, Вика вглядывалась в полутьму. Рядом никого не было. Тяжесть в ногах не давала сдвинуться с места, и девушка снова присела на кровать, а через минуту опять легла.

Вика закрыла глаза, надеясь заснуть, как вдруг почувствовала, что ее шею, грудь, бедра, икры и даже ступни сдавливает с каждой минутой все сильнее. Она резко открыла глаза, стряхивая с себя внезапную тяжесть, и снова вскочила с кровати. И тут случилось невероятное.

Нечто невидимое подхватило Вику на руки и закружило по комнате, напевая женским голосом: «Вика-а-а, помоги, Вика-а-а, помоги».

Девушка смотрела сверху на пол, на кровать, пытаясь выбраться из невидимых лап, но ничего не выходило. От страха она зажмурила глаза, отчаянно завизжала и резко плюхнулась на пол.

В боку заныло. Вика попыталась встать на четвереньки, но тело превратилось в одну сплошную боль и не слушалось. Сжав зубы и собрав оставшиеся силы в кулак, девушка выскочила-таки из комнаты, открыла входную дверь и оказалась на лестничной площадке.

Яркий свет резанул по глазам, заставив зажмуриться. Почти на ощупь Вика спустилась на этаж ниже. Сверху что-то звенело, грохотало и дзинькало в ее квартире. Почему-то вспомнился стол у бабки Анисьи и то, как она доставала нужные ингредиенты для зелья из пакетов и баночек.

Стена слева зашевелилась, не давая к ней прислониться, и Вика бросилась из подъезда под дождь.

Холодные капли дождя моментально впитались в Вику и принялись трясти ее тело. Зубы застучали. Вика стояла под фонарем, обняв себя за плечи, как в смирительной рубашке, переступала с ноги на ногу и тряслась. Ей казалось, что вокруг фонаря больше нет ее дома, двора и ничего, что было раньше. Теперь там только нечто невидимое, с женским голосом и сильными руками. Нечто, что хочет причинить ей зло.

Вдруг откуда-то издалека вырвался надтреснутый крик Викиного тела: «Хватит!» Вымокшая под нервным шквалом дождя девушка упала на колени и увидела свое отражение в луже. Оттуда на нее смотрела измученная девочка с глазами цвета изнанки зеркала. Вика собрала еще один удар своего сердца и упала на холодный асфальт.

– Ничего не понимаю, очень странное заболевание. Все необходимые исследования проведены, анализы в норме. Почему так реагирует кожа, пока непонятно. Мы сделали запрос коллегам из Москвы, возможно, у них будут какие-либо соображения по этому поводу, – седой доктор с морщинистым лбом крутил ручку в руках и озадаченно смотрел на бледную женщину лет пятидесяти. – Раньше ничего подобного не замечали за дочерью?

– Нет, она вообще редко болела, никаких особых проблем не было, только прыщи в подростковом возрасте все лицо обкидывали. Так они потом сходили сами безо всякого лечения.

– Что ж, вы пока не расстраивайтесь. Сейчас угрозы для жизни нет. Возможно, это реакция на пережитый стресс. Но, если честно, такое впервые в моей практике, – доктор положил ручку в карман и пожал плечами.

– Это какой-то кошмар, доктор, – тихо прошептала Викина мама, Наталья Владимировна, – ее же соседи утром нашли во дворе под фонарем без сознания, в одном нижнем белье, покрытую странными прыщами. Что она там делала? Сколько пролежала без сознания? Никто ничего не знает.

– Значит, пока будем считать воспаление кожи реакцией на стресс. Кстати, девочка на учете в психоневрологическом диспансере не состоит?

– Нет, что вы? – замахала рукой Наталья Владимировна.

– Хорошо, хорошо, – кивнул доктор, – сейчас можете навестить ее, но недолго. Пациентке нужен покой.

Викина мама сделала глубокий вдох, поправила сползающий с плеч халат без нижней пуговицы, потренировалась улыбнуться и вошла в просторную светлую палату. Запах белизны и спирта ударил в нос. Кровать скрипнула, и Наталья Владимировна увидела, что дочь повернулась к ней.

Если бы она сейчас не заметила на полу Викины мокрые грязные тапочки, которые подарила ей в прошлом году, то подумала бы, что это какая-то другая девчонка с непонятной болезнью. Лицо несчастной казалось незнакомым. Ее дочь Вика, от которой остались только глаза,

скрывалась где-то под слоем бордово-красных прыщей, безобразность которых подчеркивал яркий свет, падающий от лампы прямо на лицо.

Наталья Владимировна плюхнулась на стул рядом с тумбочкой и выронила пакет.

– Как ты, хорошая моя? – старалась она не смотреть на дочь, чтобы та не заметила ее влажных глаз.

– Мам, что со мной? – прошептала Вика и дотронулась пальцем до нижней распухшей губы, на которой тоже краснели прыщи. – Я умираю, да?

– Ну что ты? Не говори ерунды. У тебя реакция на стресс такая. Врач сказал.

– Мам, реакция на стресс – понос или запор. Таких реакций на стресс, как у меня, не бывает, – Вика вытащила руку из-под одеяла, разглядывая воспалённую кожу.

– Вик, – мама закатила глаза и сделала глубокий вдох, – а ты помнишь, как оказалась на улице утром?

Вику передернуло.

– Мам, я сейчас не хочу об этом говорить. Ты все равно не поверишь, – отвернулась девушка к стене.

– А ты попробуй, дочка, – мама положила руку на обнаженное плечо дочери, но та дернулась в сторону, скидывая мамину ладонь.

– Нет, – твердо ответила Вика и накрылась с головой одеялом, – я хочу спать, уходи.

Мама посидела еще несколько минут у кровати, разглядывая треснувшую краску в углу больничной стены.

– Так и знала, что после поездки к бабе Насти что-нибудь да случится, – резко встала она со стула, положила фрукты из пакета и телефон дочери на тумбочку и вышла из палаты.

От этих слов Вику прошиб холодный пот.

«Неужели заговор бабки Анисьи сработал, и все, что случилось – результат его действия?» – всхлипывала Вика под одеялом. «А вдруг с Варькой тоже что-то случилось плохое?» – уже навзрыд плакала девушка.

Дребезжащий звук телефона, заелозившего по тумбочке, прерывал мысли Вики.

На экране высвечивался контакт, ради которого она еще вчера была готова на все и который сейчас вызывал только раздражение.

– Привет, ты чего сегодня на пары не пришла? – как ни в чем не бывало поинтересовался Борис.

– Заболела, – сухо ответила Вика и посмотрела в окно, по которому вдруг застучала синичка. – А, Борь, как там Варя? Она пришла в универ? – спохватилась девушка.

– Пришла... А что? – удивленно поинтересовался Борис.

– Нет, ничего, я просто спросила, – выдохнула Вика. – Я потом позвоню, пока, – выключила она телефон и снова посмотрела на стекло.

«Птица же просто так стучит, насекомых с окна собирает, – успокаивала себя девушка, – и вообще, приметы – это чушь собачья. Но... Откуда в сентябре синицы?». Вика резко глянула в окно, но там уже никого не было.

Во взгляде Натальи Владимировны появилась озадаченность. «Нежелание дочери рассказывать правду как-то связано с ее поездкой к бабе Насте, – подумала она, спускаясь с лестницы, – значит, надо съездить туда, разузнать, что было».

Зная сварливый характер матери, Наталья Владимировна готовилась выслушать миллион претензий и упреков, но совсем не ожидала застать ту в черном платке, с красными глазами, сидящую на завалинке рядом с чернеющим домом.

– А, приехала, – отозвалась баба Настя без эмоций, – что случилось?

Наталья Владимировна хотела обнять и поцеловать ее в обе щеки, как это делала раньше, но мать уклонила.

– С кладбища только пришла, не надо тебе прикасаться сейчас ко мне, – оправдалась мать.

– Кто-то умер? – Наталья Владимировна сделала два глубоких вдоха подряд.

– Анисья померла, помнишь ее? – баба Настя поджала губы и отвернулась, уставившись в среднее окно дома бабки Анисьи.

– Как же так? – всплеснула руками Наталья Владимировна, – болела?

– Здоровей меня была Анисья. А никто не знает, что произошло. Только нашли ее утром вчера перед домом в одном исподнем. Мертвую. И тело все прыщами покрытое.

Наталья Владимировна почувствовала, как в ее горле забилась крыльями испуганный черный дрозд. Она прикрыла рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

– Мам, зачем Вика приезжала? – не сдерживая слез, Наталья Владимировна вплотную приблизилась к матери и со страхом заглянула ей в глаза.

– А при чем здесь Вика? – угрюмо ответила та, не желая замечать состояние дочери и участвовать в ее переживаниях.

– Она вчера тоже, как Анисья...

– Померла?! – вскрикнула баба Настя.

– Нет, но в больнице, – зарыдала женщина, – тоже на улице нашли, и прыщами покрылась вся. Врачи не знают, что с ней.

– Ох, – баба Настя скрестила руки на груди и закачала головой, – ох, натворила делов девка. А я говорила, говорила ей, нечего к Анисье ходить да темные дела делать. Так разве ж меня кто послушает?

– А зачем она ходила к Анисье? – побледнела Наталья Владимировна и обернулась на дом покойницы.

– Что за мать ты такая, что не знаешь про дела своей дочери! – баба Настя нахмурила брови. – Уж не знаю, что там Анисья ей сделала, но хотела девка соперницу от мужика своёва отвадить. То ли порчу на нее навести, то ли отворот на нее сделать, то ли приворот. Но я Анисью знаю, за порчу она бы точно не взялась, а вот чего другое запросто сделать могла, ежели шибко просить будут.

И, видимо, сделала. Потому что пришла от нее тогда Вика сама не своя, меня не узнала и сразу на кровать бухнулась. И так пролежала несколько часов, как мертвая. А я, пока она лежала, к Анисье сходила, разузнать, чего с внучкой. Та сказала, что впечатлительная слишком и что ничего такого она для нее не делала. Но, знаешь, какой-то странный огонек у ей в глазах тогда был, так что мне в ее слова не очень поверилось. А теперь вот ты приехала и говоришь, что плохо внучке. Как теперь разобрать, что было, чего не было? С покойницы-то и спросить нечего, – развела руками баба Настя, наморщив лоб.

– Что же делать-то нам теперь, а? – Наталья Владимировна затопталась на месте, поглядывая то на дом бабки Анисьи, то на мать.

Вдруг в сумке зазвонил телефон. Дрожащими руками она поднесла трубку к уху.

– Да что вы?! – воскликнула женщина, изменившись в лице. – Я скоро приеду.

– С Викой что? – беспокойно заерзала баба Настя.

– Да, с Викой, врачи говорят, вроде как с ума сошла, никого не узнает, на стену кидается. Надо вернуться. Вернуться.

Баба Настя расстроено посмотрела на дом Анисьи.

– Езжай с Богом, присмотри за дочерью. А я пока к Анисье в дом схожу, есть у меня там есчо дело одно.

Не дослушав, что сказала мать, Наталья Владимировна спешными шагами зачавкала по размокшей проселочной грязи.

Вика и впрямь врачей не узнавала и вела себя неадекватно. То сама с собой говорила, глядя в угол палаты, то плакала и просила вернуть ее в прошлое. Но когда в палату вошла мама, Вика сразу притихла и бросилась к ней.

– Мамочка, помоги мне, я в такую беду попала. Мамочка, не оставляй меня одну. Давай поедem домой, пожалуйста, – девушка согнулась почти напополам и приложила материнскую ладонь к своей щеке.

Наталья Владимировна смотрела на нее с удивлением и не понимала, что происходит. Внезапно Вика отвернулась от нее и, как волчонок, исподлобья зыркнула в угол, замахав на него руками.

– Уйди, не хочу тебя видеть, уйди, – заплакала она.

– Кого ты гонишь, дочка? – испуганно смотрела на нее мать.

– Анисья ко мне пришла, злится, ругается. Зачем пустили сюда? Неужели ты ее не видишь, мама? – Викины глаза, наполненные ужасом, с надеждой смотрели на маму, ожидая, что та тоже увидит Анисью.

– Вика, Анисья померла. Вчера, – Наталья Владимировна внимательно наблюдала за реакцией дочери, пытаясь понять, действительно ли та сошла с ума, или здравый смысл временно покинул ее бедного ребенка.

После слов матери Вика отошла от нее и уверенно зашагала к углу. Пошарив там руками и ощутив пустоту, она обернулась.

– Ой, и правда умерла. Вчера, говорит, бесы напали. Из-за меня. Те хотели меня забрать, а она не отдавала. Забрали вместо меня ее. Теперь я ей должна, мам. Она хочет, чтобы я долг вернула.

– А что ж она хочет, доченька? – задрожала Наталья Борисовна, глядя в пустой угол, где, судя по реакции, дочери и находилась Анисья.

– Не знаю, она не говорила пока. Но, сказала, вернется еще.

Тут напряжение в теле у Вики спало, и она, как тряпичная кукла, обмякла, успев уцепиться за материнскую руку.

Вику накачали успокоительными, и следующие три дня в больнице прошли спокойно. Потом последовал визит психиатра, который выдал заключение, что девочка не нуждается в лечении, а нервный срыв вызван внезапным заболеванием, изменением внешности и переживаниями в связи с этим.

Так как никакого лечения для воспаленной кожи не предлагали, Наталья Владимировна взяла отпуск на работе, договорилась с врачами и забрала дочь домой. Хоть видений и не было в последние дни, но Вика с опаской зашла в комнату, где, по ее словам, и началось «то самое».

Дома Вика не находила себе места. На звонки Бориса не отвечала. Первое время постоянно приближалась к зеркалу, закрывала лицо руками и отходила в слезах. А потом что-то сломалось внутри. Она легла на кровать и почти не вставала. Было похоже, что у девушки начиналась депрессия.

Мама же считала, что депрессия в такой ситуации – это лучше, чем видения с того света, поэтому с пониманием относилась к дочери и ждала, пока все пройдет само собой. Но прыщи не проходили, депрессивное состояние усугублялось, а неожиданный визит и вовсе заставил Вику снова пережить стресс.

Однажды днем в дверь позвонили. Наталья Владимировна разглядела в глазок улыбающееся лицо рыжеволосой девушки, которую раньше не видела, приняла ее за однокурсницу дочери и впустила. Как только та попала внутрь квартиры и Наталья Владимировна позвала дочь, случилось нечто невероятное. Вика задрожала, побледнела, выскочила на балкон и дернула оконную ручку так, что чуть не сломала ее.

Рыжеволосая Варька улыбалась все шире и шире, наблюдая, как Вика пытается выскочить из окна и как мама пытается ту удержать. Зеленые глаза сверлили Вику насквозь. Потом гостя резко побледнела, развернулась влево, раздула ноздри и, щелкнув языком, пошла к выходу.

– Что с тобой, дочка, – вытирала пот со лба дочери Наталья Владимировна, которая после ухода госты опять беззвучно легла на кровать и почти не шевелилась.

– Мам, это Варька, я для нее отворот хотела сделать на Бориса. Она сейчас сказала, что не даст мне жизни, и прыщи – только начало.

– Как же она сказала, дочка? Она же ни звука не издала.

– Нет, мама, она в голове без слов со мной говорила. А потом появилась Анисья и велела к бабе Насте съездить. А Варьку прогнала.

– Моя хорошая, скоро все закончится, точно закончится. Ты поправишься. Обязательно. И эти призраки перестанут приходить, – зашептала Наталья Владимировна, вытирая слезы.

Потом она долго сидела рядом с дочерью, гладила ее по волосам и задумчиво смотрела на книжный шкаф. В какой-то момент ей стало понятно, что пришло то самое время, о котором говорила Анисья, когда принимала роды у Натальи Владимировны двадцать лет назад, и новорожденная Вика задыхалась у ее груди.

Наталья Владимировна подошла к полке, достала книгу в обложке из газеты двадцатилетней давности, влажной тряпкой вытерла пыль и положила книгу в сумку.

Когда Вика проснулась, Наталья Владимировна сообщила, что им нужно поехать к бабе Насте, как велела Анисья, и Вика поедет с ней. Вика зарылась лицом в подушку и долго отнекивалась, но в итоге согласилась.

На улице девушке постоянно казалось, что все смотрят на нее и насмехаются. Она даже разглядела Бориса, прогуливающегося под ручку с Варькой, который показал на нее пальцем и захохотал, но потом решила, что все же ей померещилось.

Прыщи на теле, прикрытые одеждой, вызывали разве что внутренний дискомфорт, но с лицом дела обстояли куда сложнее. Из красоты с милым личиком Вика за несколько дней

превратилась в прыщавую страхолюдину, и пережить это состояние вперемешку с видениями с того света без трагизма и размышлений о своей скорой смерти не получалось.

Баба Настя встретила дочь и внучку с причитаниями, но не удивилась приезду.

– Анисью во сне видала, сказала, вы приедете, привезете с собой помощника. Вот и правильно, – с порога пояснила она свое ожидание.

– Какого помощника, ба? – Вика пожала плечами.

– Наверное, баба Настя это имеет в виду, – Наталья Владимировна достала из пакета книгу в газетной обложке.

Баба Настя одобрительно кивнула дочери.

– Хорошо, что не выкинула.

– Я и забыла про нее, – вздохнула Наталья Владимировна, – сегодня только с чего-то вдруг вспомнилось.

– Не случайно вспомнилось. Анисья ведь не просто так тебе книгу на хранение давала, а до времени. Сейчас то самое время и пришло. Правильно, что привезла.

– А что за книга, мам? – удивленными глазами смотрела Вика, перебирая пальцами подклад в своем кармане.

– Анисья просила до срока не рассказывать. А срок то эва быстро как подошел, – баба Настя наморщила лоб и шумно выдохнула.

Наталья Владимировна кивнула головой.

– В общем, так, Вика. Когда ты родилась, то Анисья тебя от смерти спасла. Уже тогда, сразу после рождения ты не дышала почти, а Анисья твою жизнь выменяла на жизни всех мужчин нашей семьи. Так вскоре помер твой дед, а потом и отец.

Наталья Владимировна зажала себе рот рукой.

– Да, я тебе не говорила тогда, Наташа. Но тебе ведь не до этого было, а потом Анисья велела и не вспоминать. Что сделано, то сделано, – баба Настя строго посмотрела на Наталью Владимировну. – А потом Анисья книгу эту дала тебе на сохранение, потому что у нее в доме всяко могло случиться, много нечисти там собиралось, а книга очень ценная. Помнишь, просила тебя Анисья, чтобы в благодарность за спасение дочери сберегла ты эту книгу? Будто знала, что потом через твои руки к ней спасение придет.

В книге есть молитва особая, чтобы отмолить грехи Анисьины, но сделать это может только тот, ради кого ведунья собой пожертвует. А после того, как молитва прочитается, с Анисьи грехи спишутся, а тот, кто прочитает, силу бабкину в себя примет.

– А кто же читать молитву будет? – оторопевшим голосом спросила Вика, бледнея от страшной догадки.

– Пойдем, – скомандовала баба Настя, – в дом к Анисье ходим, там тебе все и расскажут.

– Кто? – почти одновременно вскрикнули Наталья Владимировна и дочь, и кровь прилила к лицу у обеих.

– Есть там один, окаянный. Он точно знает, как было и что с ентим делать.

– Mam, мне страшно, – писклявым голосом, как маленькая, заныла Вика и вцепилась в руку Натальи Владимировны.

– Раньше надо было бояться, когда меня не слушала, – резко ответила баба Настя, – теперь думай, как жить будешь дальше.

Наталья Владимировна сжала ладонку дочери в знак поддержки. Она хорошо знала свою мать и понимала, что та не будет сюсюкаться. В любом случае, выхода не было, сейчас жизнь Вики зависела от того, что расскажут в доме покойницы.

0

В доме у Анисьи теперь пахло не сгоревшим молоком, как в прошлый раз, а подвалом и травами. Отовсюду раздавались звуки, вселяющиеся страх. Викин взгляд блуждал по сторонам, натываясь на стол со склянками, потертые пакеты, развешанные и расставленные на полу, стул, кровать и зеркало.

– Не шуми, гостей тебе привела, как велено было. Не пужай, а рассказывай, – баба Настя перекрестилась, подошла к стулу и приподняла его, будто что-то стряхнула. Нечто невидимое шлепнулось рядом, издав глухой звук, и баба Настя села на этот стул.

Спятивший от страха Викин мозг мог сейчас сложить два и два и получить пять. Она увидела такой же прилив страха в глазах у матери, которая дрожала в сторонке, пытаясь рассмотреть того, с кем сейчас говорила баба Настя.

Вдруг в голове у всех троих зашипело, и возник белый шум. На его фоне раздался тонкий голос, и все тут же поняли, что этот «окаянный», который жил в доме у Анисьи.

– Жалко бабку Анисью, хорошая ведунья была, силы много приняла и раздала много. Тебе, Настина внучка, с Варькой одной не справиться. Даже Анисья не сумела. Варька ваша – ведьма в пятом поколении оказалась. Не просто так рыжая да над мужиками властная. Только Анисья того не разглядела сразу, думала, бесполезная девка, что о ведьмовстве своем не ведает пока.

Пожалела Вику, уж больно та горела своею любовью к мужику. Начала делать отворот по всем правилам, да еще во время деланья поняла, что не так идет что-то. Не ложатся силы как надобно. Доводить до конца не стала. А Настинной внучке не рассказала, подумала, что та раз любит, сама справится.

Не понравилось это Варьке. Разозлилась она, что у нее отобрать желаемое кто-то попытался, тем более, желанного мужика ее к смерти приговорить. Ведь все мужики, которые с вами свяжутся, уже заранее Анисьей за жизнь Настинной внучки отданы.

Подослала Варька бесов к сопернице, а Анисья в этот момент только и поняла все. Да уже поздно было. Еле смогла у бесов Вику выпросить, но взамен они ее саму и забрали. А им-то и радости еще больше. Анисья много всего знала и сил много имела. Что им девчонка неграмотная в знахарстве супротив ведуньи?

Так Анисья и ушла на тот свет, а теперь ждет, что ей в награду Настина внучка молитву прочитает из книги, которую Настина дочка беречь должна была. Тогда грехи Анисье отпустятся, а Настина внучка силы ее примет в себя. Да и за домом смотреть будет, дел-то много незаконченных.

Здесь и здоровье она свое поправит, и от Варьки избавится, потому что на сильную знахарку та теперь не махнет. Больно много своих сил бесам и так уже отдала. Теперь не раньше, чем в третьем колене восстановятся.

– Господи, – закрыла лицо руками Вика, – я не хочу никакой знахаркой становиться. У меня и дара такого нет. Он же в одном роду между поколениями передается, а мы-то чужие с Анисьей.

– Не чужие! – баба Настя встала со стула. – Сестра она мне родная. А мать наша велела до поры об этом не сказывать, чтобы пересудов не было меж людей. Двум знахаркам не бывать в одном месте. Вот я от силы отказалась еще в юности, а Анисья приняла все на себя. А теперь твоя очередь пришла. В общем, думай. Или жить, как живешь сейчас, и маяться да Варьку бояться. Или на место Анисьи вступить.

С лица Натальи Владимировны не сходило выражение тревоги. Внезапно волна холодного могильного воздуха захлестнула комнату, и пакеты с травами зашуршали. Вика почувствовала, что сейчас повеяло ее смертью, как сквозняком.

– Надо решать сейчас. Варька еще бесов прислала, не угомонится никак. Знает, без силы Анисьиной ты перед ней как беззащитный младенец. И вступить за тебя больше некому. Вот она и торопится.

– Дочка, – Наталья Владимировна подошла к Вике и взяла обе ее ладони в свои руки, – я уже чуть не потеряла тебя однажды. Не хочу видеть, как ты мучаешься. Да и от темных сил всю жизнь страдать тяжко. Соглашайся. Я не вижу другого выхода. Уж лучше в добром соседстве жить с нечистью, чем вечно шугаться.

– Дело говоришь, Наташа, по судьбе у нее все равно семьи долгой не случится. И Анисью уважить нужно. Думается мне, что не прогнала она Вику только по одной причине – чтобы та не пошла к другой ведунье, которая еще больше дел натворить могла бы. И если бы так случилось, то та жизнь бы свою за Вику точно отдавать не стала бы. А может, Анисье еще что-то тайное ведомо, чего мы пока не понимаем. Тут уже только гадать можно, только незачем.

– Но я же не знаю ничего про травы, про заговоры и вообще про вот это все, – тихо прошептала Вика и заглянула матери в глаза.

Та вопросительно посмотрела на бабу Настю.

– Про это не переживай, – откликнулся окаянный в голове, – как только силу Анисьину получишь, и знания придут вместе с ней. Но поучиться придется, как с этим всем обращаться. Тут уж я подскажу.

Вика зажмурилась. Жизнь в глуши отшельницей, без интернета, без друзей и подруг, в деревянной избушке с окаянными в придачу – совсем не то, о чем она мечтала. Но, с другой стороны, кожа ее выздоравливать тоже не собиралась, а Варька являлась вполне реальной угрозой. Да не в будущем, а прямо сейчас.

И тут Вику осенило.

«А что если я соглашусь сейчас, приму силу Анисьину, отвяжусь от Варьки, а потом брошу это все и в город перееду?» – в глазах Вики сверкнула надежда и тут же погасла, потому что окаянный прочитал ее мысль и фыркнул.

Никто, кроме Вики, не понял, что значит его фыркание. Мать и баба Настя в ожидании смотрели на Вику. В комнате заходили ходуном стулья, задрожали стекла.

– Решайся, – отозвался голос бабы Насти.

Глубокое минутное безмолвие наливалось чем-то незримым.

В этот момент Вика почувствовала, что в ее горле и животе застряли обломки железа.

– Я согласна, – выговорила она против своей воли.

Пространство вокруг резко изменилось. Вика оглядывалась, оглядывалась и не понимала, где находится. Окружающие предметы казались далекими и расплывчатыми. Затылком Вика почувствовала огонь.

Наталья Владимировна заметила, что глаза дочери, испуганные снаружи, изменились, будто стали отсутствующими, отгородились от этого мира изнутри. Казалось, они видели совсем другое.

Вика обернулась на тепло, касающееся светом ее головы и плеч. Густой грохочущий голос раздался совсем рядом.

– Согласна ли ты взять в мужья того, чье имя нельзя произносить вслух?

– В мужья? – Вику бросило в холод, а пот, выступивший на спине и под мышками, моментально стал ледяным.

Такого голоса Вика ни разу не слышала, но поняла, что он исходит не от человека.

Девушка искала глазами бабу Настю, маму, хоть кого-нибудь, кто бы мог объяснить, что сейчас происходит, но видела только темноту, длинные тени, медленно ползущие по окаменелым стенам, и столп пламени, свет от которого растекался то ближе, то дальше.

Вика понимала, что находится за пределами мира, который знает, и все здесь таит опасность. Ей хотелось кричать и плакать.

Внезапный шелчок языка вывел девушку из ступора. Так же шелкала языком Варька, когда выходила из ее квартиры недавно.

«Неужели она?» – догадка обожгла лицо, и Вика непроизвольно начала креститься.

– Не утруждайся, только ветер разгонишь, – смерила презрительным взглядом Варька Вику.

– Что тебе нужно? Можешь забрать Бориса себе, – страх и чувство вины прикоснулись холодными пальцами к Викиным лопаткам.

– Могу забрать? – Варька расхохоталась, и глаза ее сузились как щелки. – Ты все еще не поняла, с кем связалась, глупая.

Вика переступала с ноги на ногу. Снизу поднимался жар, и пяткам становилось слишком горячо. Если бы она верила в ад, то подумала бы, что сейчас как раз стоит на его крыше и точно туда провалится.

– Варя, я прошу, отпусти меня. Я клянусь, что больше никогда не подойду к Борису, и...

– Конечно, не подойдешь. И я не подойду. Анисья успела подпортить душку мужика. Теперь от него ни детей, ни любви не нужно.

– Но она же не довела обряд до конца, – Вика переступала все чаще.

– И что с того? Самое главное она испортила. Теперь его душа заляпана ее белыми следами, хоть и слабыми. Не отмыть. Мне такая душка не нужна. Думаешь, легко найти подходящего отца своим детям, с душой, которой ни разу ни белые, ни темные не коснулись?

– Я ничего не понимаю в этом, – опустила голову Вика, пряча глаза, наполненные слезами.

– Мне все равно. Ты кашу заварила, тебе и отвечать. Теперь выйдешь замуж за того, за кого я скажу. И будешь с ним до конца дней своих.

– Но все мужчины рядом со мной погибнут! – вспомнила рассказ бабы Насти Вика, и огонек надежды блеснул в ее глазах.

– Если они люди, – хихикнула Варька.

– А ты хочешь, чтобы я вышла за...? – пот градом лился с Викиного лба и шеи.

На стене слева блеснули глаза зверя и уставились на Вику. Они сверлили тело девушки так, что она физически чувствовала боль от взгляда.

– Господи, помоги, Господи, помоги, Господи, помоги, – шептала Вика, пытаясь не слышать звуки, вселяющие кошмар.

Неожиданно раздался звук сухих веток в костре. Воздух стал гуще, завибрировал. Стены поплыли у Вики перед глазами, меняя свои границы, а потом и вовсе пропали.

Щелканье Варькиного языка стало глуше и слилось с тишиной.

Вика увидела перед собой поле, покрытое утренней росой, а на нем – цепочку четких человеческих следов. Девушка не раздумывая сделала шаг вперед, и прохладная влага приятно охладила ее ноги. Вика почему-то знала, что надо идти след в след. Идти и не останавливаться. Она вдыхала новый воздух, и вкус его оседал на губах сладким ароматом. Вокруг царило спокойствие, которое пропитывало собой Викины пятки, кисти, шею, глаза, волосы.

Девушке казалось, что вот-вот, и она увидит Его. Того, кто создал этот мир и бабу Настю, и Анисью, и даже Варьку, и она, Вика, является его маленькой частичкой, совсем крохотной, которой он никогда не причинит вреда.

Громкий вопрос, короткий и точный остановил Вику посередине поля.

– Ты принимаешь в себя силу великую, нераздельную, во имя всего существующего на этой земле и за ее пределами?

Мягкий елейный голос сразу приковал к себе внимание.

– Да, да, – без тени сомнений быстро ответила Вика, вспоминая Варькин хохот и горячие пятки.

Елейный голос продолжил:

– Да будет так, как сказано.

Случится так, как обещано.

Душою с тобой мы связаны,

В светлой и темной вечности.

Будет служить рука твоя Свету, совершая благо и не желая зла.

Будет обращаться сердце твое к Тьме там, где Свет бессилен, и не желать зла.

Будут глаза твои видеть жизнь и то, что за ней, и не желать зла.

Будет твой рот говорить то, что неведомо другим, и не желать зла.

Издали раздался Варькин щелчок языка и тут же утонул в росе под ногами Вики. Поле и следы, по которым она шла, пропали. Вика на мгновение зависла над бесконечностью, а потом вздрогнула и обмякла, как после сильного толчка.

Каждой клеткой своего тела теперь она чувствовала связь с этим полем, с каждой росинкой, с каждым следом. Елейный голос что-то продолжал говорить о Боге, о ведьмах, о силах, о тайне жизни и смерти и постепенно становился приглушенным жужжанием на фоне звенящей тишины. Казалось, в мире больше нет никаких других звуков, кроме этого. Вика увидела себя со стороны – красивую, юную, с чистой кожей.

Резкий поток тягучего воздуха подхватил Вику. Внезапно левая нога ушла вниз, и девушка увидела мать и бабу Настю.

– Анисья, – на полу появилась серебристая полоска света, и Вика протянула руку к матери, еле удержавшись на ногах.

Та тут же догадалась, о чем просит дочь, и достала книгу.

Сама не понимая, как это происходит, Вика нашла нужную страницу и начала читать молитву. Чем больше Вика читала, тем шире становилась серебристая полоска света на темном полу.

Баба Настя сидела на стуле, засунув руки между колен, покачиваясь и наклонив голову, как человек, который молится.

Вика читала совершенно незнакомые слова и сразу понимала, о чем они. Видела, как звуки разлетаются тонкими легкими пухинками, а потом оседают на серебристую полоску.

Анисья мелькнула над этой полоской легко и быстро, приковав взгляды всех троих. Сейчас она выглядела моложе, чем до смерти, и как-то картинно, будто это не она сама, а нарисованный портрет. В глазах ее читалась благодарность и радость.

– Надо же, никогда не видела сестру такой счастливой, – изумленно прошептала баба Настя, разглядывая Анисью.

Та обвела взглядом, будто прощаясь, Вику, бабу Настю, Наталью Владимировну, свои развешанные пакеты с травами, стол и зеркало. Стул качнулся и замер на одной ножке. Анисья улыбнулась в ответ и легким дымком растворилась в серебристой полоске света, оставив в своем доме чувство облегчения и радости.

С этой минуты у каждого из присутствующих начиналась новая жизнь.

После смерти бабки Анисьи и получения от нее силы Вика изменилась. Невольная покорность таинственным силам и сверхъестественным знаниям осеняла ее душу, отчего лицо всегда казалось печальным.

– Что ж, мам, раз у меня это от судьбы, значит, так тому и быть. Ты как, одна в городе? Тяжело? – Вика с грустью смотрела на маму.

– Да я нормально, Викусь, за тебя больше волнуюсь.

– Я справляюсь, баба Настя соседям сказала, чтобы пока не ходили ко мне и что я потом их лечить смогу и помогать. А пока учиться буду. Но все равно пришел один парень сегодня с утра. Из города тоже приехал. Представляешь, умудрился хозяина кладбища разозлить, и тот теперь его преследует. Большак посоветовал мне с хозяином кладбища не связываться, а чтобы тот парень сам обряд провел. Я думаю, не сможет он без меня ничего, хилый какой-то, всего боится.

– Кто посоветовал? – у Натальи Владимировны был удивленный и недоверчивый взгляд.

– Большак. Сущность типа домового, только не с простыми людьми живет, а с сильными, – Вика указала на низкую короткую шаткую скамейку у печки, – вон сидит.

Все это было сказано так спокойно и естественно, будто разговор шел об электрическом чайнике.

– А, поняла, который еще с Анисьей жил, – Наталья Владимировна всматривалась в скамейку у печки.

– Да не увидишь ты, не пытайся, – улыбнулась Вика, – я и сама не вижу, только слышу. Если бы не он, мне бы еще дольше учиться пришлось. А так мне все тетрадки Анисьины показывает, объясняет непонятное. Я много вещей не могу объяснить, а он говорит, что не все и надо понимать, просто знать, что оно работает.

За окном раздался шум.

Викино лицо собралось в напряженную гримасу и расплылось в улыбке.

– Что это? – Наталья Владимировна подошла к окну.

– Это сорока, мам. После смерти Анисьи каждый день сюда прилетает, там сидит, – Вика показала на забор, – и я прямо чую, что это сама Анисья и есть. Баба Настя говорит, за мной присматривает.

– Дочь, я всегда у Анисьи хотела спросить, но боялась. Может, ты скажешь, как это все потустороннее видится? Как картинка в голове или как?

– Даже не знаю, как объяснить, – вздохнула Вика, – недавно житель проходил мимо, просто поздоровался, а мне так страшно стало. Кажется, как будто он неживой по дороге идет. Я бабе Насте сказала, а она только головой покачала. А вечером от соседей слухи пошли, что умер он от сердечного приступа. А ему лет сорок было от силы. Так что я теперь смерти тоже вижу, вроде как.

Брови у Натальи Владимировны сдвинулись и задрожали, а зубы прикусили нижнюю губу.

– Ох, доченька, переживаю я за тебя, – начала она вытирать слезы.

– Ну что ты, мам, здесь спокойно, скучно иногда, но я привыкну, и ты привыкнешь без меня. А хочешь, тоже сюда приезжай.

– Нет, нет, что ты, – замахала руками мама, – у меня там работа. Да и ты-то на что жить будешь? На бабкину пенсию? А так хоть я помогу немного.

В просвете быстро распахнувшейся двери показался молодой парень с испуганным лицом.

– Ну, что ж, я пойду? – встала Наталья Владимировна, заметив, что лицо Вики сделалось серьезным. – Утром приходи к бабе Насте, я пока там побуду.

Вика молча кивнула в ответ, сосредоточенно наблюдая за гостем.

– Извините, – мялся он у входа, – а вы сможете сегодня все сделать? А то ночь скоро, я боюсь. Скорее всего, опять меня душить придет.

– Понимаешь, Сергей, ты хозяина кладбища обидел. Не так просто от него избавиться. Скорее всего, откупаться придется тебе самому. Я научу, как.

За окном застрекотала сорока.

На лице Сергея отразился испуг и усилие понять смысл слов молодой девушки, которую ему порекомендовали как местную бабку. Правда, его ожидания никак не совпадали с тем, что он видел перед собой.

У стола, заставленного склянками с непонятным содержимым, на фоне пучков трав, развешанных вдоль стены и стертых пакетов, перед ним стояла симпатичная девушка с лицом, на котором читалась убежденная мрачная покорность своему таинственному предназначению.

– А если он меня сегодня придушит окончательно? – Сергей опустил голову, и по шмыганью носа стало понятно, что парень еле сдерживается, чтобы не заплакать. – И зачем я вообще на эту работу пошел?

– Так, подожди паниковать раньше времени, давай, садись, расскажи каждую деталь, которую помнишь.

У печки что-то завозилось, и Сергей вздрогнул.

– Ничего, это мыши, иди туда, садись и рассказывай еще раз, – Вика показала рукой на короткую шаткую скамейку у печки.

Парень вздохнул, сел на скамейку, и пальцы сами забегали по его коленям.

– Меня отправили на отбор проб на пилораму. А она совсем рядом с кладбищем. Я же не знал, что так получится, – поднял он красные глаза на Вику. – Мне надо было отпилить небольшой кусок от доски какой-нибудь, но самый неказистый, где жуки могли быть.

Я везде посмотрел, деревяшки чистые, а одна доска как бы отдельно ото всех валялась, наполовину на могиле, наполовину на лесопилке. Рабочие сказали, просто свалилась. Доска была какая-то не такая, почерневшая, внутри разъеденная. Я и подумал, что от нее образец отпилю, и наши в лаборатории точно жуков каких-нибудь карантинных в ней найдут. А нам после каждого такого обнаружения премию выплачивают.

Вика услышала белый шум в голове и поняла, что Большак хочет что-то сказать. Она поднесла указательный палец к своим губам, показывая Сергею, чтобы тот замолк, и на пару секунд закрыла глаза.

– Ты когда кусок от доски отпиливал, разрешение спрашивал? – Вика открыла глаза и склонила голову вбок.

– У кого? – круглыми глазами смотрел на нее гость.

– Все понятно. В чужой дом пришел, чужую вещь забрал, да еще и подарков не оставил. Давай так сделаем, я еще ночью посоветуюсь тут кое с кем, как лучше сделать, а утром пойдешь на лесопилку и сделаешь, как я скажу.

– А сейчас мне куда? До города пока доеду и обратно, уже утро и будет. И боюсь я очень этих ночей, – парень печально посмотрел на молодую ведунью.

– Ладно, оставайся у меня до утра. Но спать вон там, – Вика показала на старую потертую раскладушку, выглядывающую из-за угла маленькой комнаты, подходящей по размерам под кладовку.

Вика не подавала виду, что нервничала. Это было первое серьезное обращение к ней человека, страдающего от козней потусторонней сущности. Как вести себя и что делать, в теории она уже знала, Большак рассказал, да в тетрадах Анисьи кое-что нашлось. Но если что-то пойдет не так?

Сергей лежал в одежде на раскладушке и прислушивался. Ссохшиеся гнилые половицы в доме поскрипывали под чьими-то тяжелыми и бесшумными ногами. Сердце то и дело заходило от страха, потому что хозяйка дома уже погасила свет и, кажется, тоже легла. Потом ручка на входной двери осторожно застучала, и в доме хлопнули две двери.

«Я уже не знаю, где лежу, и что происходит, – думал парень, – но уж лучше здесь, чем дома, где этот с кладбища точно меня придушит».

Сергей вспоминал первую ночь, когда все началось, и пальцы рук и ног холодели от ужаса.

На самом деле, странности начались ещё на работе, когда Сергей отдал образец сотруднику лаборатории. Один из коллег при проведении энтомологического исследования увидел в срезе дерева через микроскоп жука, едва заметного, но очень необычного, будто с человеческим лицом.

В Едином перечне карантинных объектов Евразийского экономического союза таких не было, в остальных справочниках не карантинных объектов тоже. Кроме того, жук очень активно двигался, и когда сотрудник попытался поместить его в пробирку для последующей идентификации, жук каким-то образом расколол её и попросту исчез. А ладони сотрудника, занимающегося исследованием, покрылись необычной сыпью.

Но так как показать эту невидаль лаборант никому не успел и мог в качестве доказательства случившегося предоставить только свои покрасневшие руки, ему не поверили. Списали этот эпизод на галлюцинации от переутомления, а сыпь – на аллергическую реакцию, которая случается в жизни почти любого человека хоть раз в жизни. Особенно если этот человек – сотрудник лаборатории и имеет дело с различными химическими растворами.

Сейчас Сергей был убежден, что тот жук тоже имел отношение к потусторонним силам, которые парень невольно потревожил, и, возможно, к ночным удушениям.

В первую же ночь после возвращения с отбора проб Сергей, как только выключился свет, почувствовал на себе пристальный взгляд, от которого по телу побежали мурашки. Досчитав

до десяти и обратно, чтобы отвлечься от неприятного ощущения присутствия, Сергей прислушался. Звенящая тишина вокруг наполнилась шорохами. Как только он собрался встать с постели и включить свет, два сверкающих глаза мелькнули прямо перед его лицом.

В глазах у Сергея отразился темный ужас, который моментально парализовал его. Тут же невидимые холодные длинные пальцы обхватили шею и принялись давить изо всех сил. Тогда Сергею удалось каким-то чудесным способом вывернуться из плена холодных пальцев, добраться до выключателя и врубить свет.

Разумеется, он никого не увидел, но заснуть уже не мог. Поискав немного в интернете информацию о том, чтобы это могло быть, Сергей, как человек, не верящий во всякую «шизо-терику», пришел к выводу, что пережил сонный паралич с гипнопомпическими галлюцинациями.

Это состояние возникает у психически здоровых людей, чаще женщин, и даже может передаваться по наследству при мутации гена PER, отвечающего за проявление циркадных ритмов у человека. При таком параличе почти все скелетные мышцы теряют способность двигаться, а разум продолжает ясно мыслить. Причиной же сонного паралича становится банальное нарушение переключения из сна в бодрствование. И галлюцинации часто возникают при подобном сбое.

Полностью удовлетворенный выводами, соответствующими его картине мира, утром Сергей начал собираться на работу. В ванной комнате под светом яркой лампы с открытым тюбиком зубной пасты в руках он заметил то, что разрушило его миропонимание и заставило почувствовать стаю пираний, кусающую его живот изнутри.

В панике бросив тюбик зубной пасты в раковину и надев на себя вчерашний свитер и джинсы, он побежал в местный травмпункт, где врач согласился с тем, что это следы от пальцев и достаточно сильные. Когда Сергей на эмоциях рассказал врачу, откуда они, тот направил парня в психоневрологический диспансер с рекомендацией обследоваться. На самом деле врач подумал, что парень заигрался с какой-то девицей, и та не рассчитала силы.

В то же утро Сергей узнал о произошедшем в лаборатории. Ему очень хотелось переговорить с сотрудником, проводившим исследование, но тот взял отгулы за свой счёт и не отвечал на звонки.

Следующей ночью повторилось то же самое. Как только Сергей выключил свет и лег на кровать, длинные холодные пальцы моментально сомкнулись на его шее. В этот раз вырваться из потусторонних лап оказалось сложнее, но Сергею снова удалось включить свет.

Больше он не ложился даже при свете. Заснул только в электричке, которая везла его к бабке Анисье, известной в области ведунье. О ней Сергей услышал от соседки бабы Нюры, по доброте душевной подумавшей о том, что парень сохнет от любви, и именно для этого ему нужен адрес кого-нибудь, «кто типа ведьмы».

Только попав в дом Анисьи, Сергей узнал, что она умерла, и теперь вместо неё вот эта молодая девочка, то ли внучка, то ли просто родственница.

В любом случае, он очень надеялся, что в дом ведуньи, хоть молодой, хоть старой, нечисть, которая его душит, не сунется. Но засыпать он все равно не собирался. Тем более, что

дом этот ночью жил своей особенной жизнью, которой глазом не было видно, но совершенно точно понятно, что она есть.

И вот опять: только все стихло в доме, как где-то рядом застрекотала сорока. Сергей вздрогнул. В окно виднелся молодой месяц, то и дело заслоняемый быстрыми кучными облаками. В печной трубе неожиданно кто-то жалобно завыл. Звуки становились все выше, почти до жалобного визга, а потом вдруг изменились на низкие, опускаясь до звериного рычания.

«Как эта девчонка живет в таком доме совсем одна и не боится?» – подумал Сергей и еще раз решил, что точно до утра не заснет.

Ему показалось, прошла минута после принятого решения не спать, как солнечный свет заиграл полоской света на полу.

Сергей встал и осмотрелся. Вики в доме не было. Она стояла рядом с забором, на котором сидела сорока. Со стороны казалось, они разговаривают. Дверь скрипнула. Он вышел из дома. Ведунья посмотрела на него взволнованно и печально.

– Погостник за тобой приходил. Вокруг дома кружил. Видишь?

Вика подняла руку и показала на длинную борозду вокруг ее дома. Она устрасюще чернела, огибая дом вместе с заброшенным огородом и покосившимся забором.

Начался крупный короткий дождь.

– Сегодня вместе пойдем. Нельзя терять время. К Погостнику можно только восемь раз в году на откуп идти. Как раз сегодня подходящий день. Только надо закупиться подношением.

На Сергея нашло странное неопределенное беспокойство. Ведунья совсем молодая, вдруг ошибается? Да и говорит она как-то не очень уверенно, но все же он послушно уставился на нее и стал записывать, что купить. Список оказался длинным, и Сергей успел обрадоваться, что денег с собой лежало достаточно.

– Цветы купишь живые, белые каллы восемь штук.

– А искусственные нельзя? Все-таки на кладбище оставлять, – перебил Сергей.

– Нельзя, – Вика зыркнула на него возмущенно, – живые цветы, когда умирают, жителям кладбища свою энергию отдают, а в искусственных цветах ничего нет. Нисколечко. И смотри, чтобы нераспустившихся бутонов среди них не было, а то плохое может случиться.

– С кем? – широко раскрыв глаза, застыл с ручкой в руке Сергей.

– Не с тобой, а с родственницами твоими женского пола, если они в положении, – Вика нахмурила брови. – Ладно, собирайся, скоро электричка, по дороге остальное расскажу, а то до обеда не успеем.

Вика заскочила к бабе Насте, где еще находилась мама. Та перекрестила внучку на дорогу и покачала головой.

– Вот видишь, Наташа, как оно в жизни-то бывает. То ни во что не веришь, то враз сама тем самым, во что не верила, и становишься.

– Я, пожалуй, останусь, пока Вика не вернется. – Наталья Владимировна выглянула в окно. Сорока стрекотала вслед уходящей дочери и Сергею.

По дороге, перед тем, как зайти на кладбище, Вика велела купить сырого мяса, конфет и бутылку водки, а сдачу не брать. Там оставить. Объяснила, что Погостник любит, когда ему щедрые подарки несут, не жадничают.

Дорога к кладбищу была размытая. Заморозки еще не охладили земли, и коричневые ручьи вдоль дороги быстро вертели разноцветные листья, а где и притормаживали, потому что листья и поломанные сучки собирались в препятствие для быстрого течения. Ветер показался Сергею странным, каким-то тихим и неживым, как и все вокруг. Птиц тоже почти не было слышно. Тишину чаще всего нарушали шуршанием падающие с деревьев листья.

Само кладбище выглядело печально. Некоторые могилы давно заросли, а на каких-то серые кресты из дерева поникли и уныло гнили. Сергей показал то место, где взял образец деревяшки – совсем недалеко от входа, на пересечении с пилорамой.

Вика покачала головой.

– Зачем они так близко к могилкам пилораму поставили? Не будет здесь работы, точно говорю, – глаза Вики вмиг прищурились, будто она вглядывалась в кого-то на том месте.

– Стой! – отвела она руку назад и оглянулась убедиться, что Сергей остановился. – Здесь граница старая, хоть и могил уже не видно. Повторяй за мной все, что я делаю и говорю. Слово в слово, движение в движение.

Вика нагнулась, постучала трижды по влажной земле, поднялась, трижды наклонилась, поглядывая, повторяет ли за ней Сергей, потом три раза вслух спросила:

– Царь Погостник, разреши нам войти в твое царство?

Сергей дрожащим голосом повторил. В ответ никаких звуков не последовало, и парень понадеялся, что ничего не увидит и не услышит, а ведунья сама все сделает.

Смутное предчувствие скорой беды внезапным холодком заползло в душу Вике. Она забыла, совсем забыла, что кусок деревяшки надо бы было вернуть хозяину кладбища. В двадцати метрах от нее, ровно на том месте, куда указал Сергей, теперь чернела размытая фигура. Судя по своим ощущениям, которые сложно описать словами, Вика поняла, что это Погостник. Из-за его спины трусовато выглядывали суккубы и инкубы с обнаженными частями тела, которые люди обычно прикрывают.

Вика почувствовала, что хозяин смотрит сквозь нее на Сергея, давая понять, что она ему не интересна, а виновник случившегося – да. Ведунья резко обернулась. Сергей растерянно стоял позади нее и не мог понять, что происходит. Видимое ей, к счастью, казалось недоступным неподготовленному человеческому глазу.

Над плечом Сергея переливался сгусток темной материи, то вползая ему в ухо, то выползая из него с другой стороны. Парень теребил уши поочередно, не понимая, почему Вика так на него уставилась.

– Уже и лярву подцепил, – грустно сказала она, убеждаясь, что правильно сделала, что приехала с парнем. Самостоятельной энергетической защиты у него не было никакой, если уже на входе его тело атаковала лярва.

Вика немного знала про этих существей, но достаточно, чтобы не паниковать. Лярвы подсаелись к людям чаще всего на кладбищах, а потом питались их энергией. Особенно любили вызывать зависимости у людей, потому что, чем сильнее негативные эмоции и переживания, тем вкуснее лярве было пожирать энергию своего носителя и тем сильнее сущность становилась. И все-таки по сравнению с другими темными сущностями они считались менее сложными. Обычно с ними легче всего договаривались ведуньи – или изгоняли насильно, если те сопротивлялись.

Вика решила сначала до конца провести обряд, а затем разобраться с лярвой, если потребуется.

Встав на перекресток как раз рядом с нужным местом, Вика велела Сергею отойти на три шага от нее и ничего не делать.

Сергей наблюдал, как ведунья проводит обряд, и ему казалось, что все это понарошку, как компьютерная игра. Глубоко внутри он чувствовал, что все это происходит не с ним, а с кем-то другим. Если бы он хоть на минуту разрешил себе поверить себе, что все по-настоящему, скорее всего, его мозг бы этого не выдержал, и парень бы оказался в психушке. Задуманным в первую же ночь.

– Я не в гости пришла, Сергея беду принесла, – начала Вика тихим серьезным голосом, поглядывая на то место, где парень так никого до сих пор не видел. – Здесь наказание получил, здесь его отдает, – Вика выкладывала на перекресток белые каллы, сырое мясо и конфеты.

– Царь Погостник, не сердись на Сергея. Не со зла он тебя побеспокоил, а по глупости своей. За это тебе дары от него, от сердца, от души. Если что-то тебе нужно от него, скажи мне сейчас, а парня не трожь.

На лице у Сергея одновременно читались испуг, тревога и недоумение. Почему среди бела дня за все время, пока они с ведуньей здесь, еще ни один человек не зашел и не вышел с кладбища?

Вика услышала, как со стороны Погостника что-то заклокотало, захрипело, а потом вырвались карканьем пугающие звуки.

Сергей огляделся. Ворон поблизости точно не было, но только что он отчетливо слышал их карканье. Парень попытался натянуть улыбку, чтобы скрыть свой испуг.

– Он ругается, что ты не принес забранное назад, – не поворачиваясь к Сергею, сказала Вика.

– Я же не знал, – развел руками Сергей, нервно поворачивая голову то вправо, то влево.

– Да, моя вина, – согласилась Вика.

– И что теперь? Он меня придушит? – парень теребил руки, постоянно чесал глаза, уши, нос.

Вика видела, как лярва пробует его биополе, но ничего Сергею не говорила, чтобы не пугать еще больше.

– погоди, – Вика отвернулась, чтобы Сергей не видел сейчас ее лицо, и закатила глаза: веки ее окрасились в болотный цвет и сверкнули Погостнику несколько раз.

В небе в ответ блеснула молния.

– Все, уходим, – скомандовала Вика, – теперь не оглядывайся, как бы ни хотелось. Просто иди вперед.

– А что, все закончилось? Я теперь могу спокойно спать по ночам? Он на меня не злится больше? – засыпал ведунью вопросами Сергей.

– Не тронет он тебя больше. Все кончилось. Иди домой, – спокойно ответила Вика, не поднимая глаз на парня, потому что знала: еще некоторое время после обещания, данного Погостнику, ее веки будут выглядеть не совсем обычно. – Стой. Лярву забыла снять, – Вика резко остановилась, и Сергей, не успев понять и испугаться, сразу был облит какой-то вонючей жидкостью из Викиного флакона.

– Извини, – пожала ведунья плечами, не поднимая глаз, – так быстрее, а мне возиться с ней сейчас некогда. Не спрашивай, кто это. Лучше не знать тебе.

Уши, нос, глаза тут же перестали чесаться, и Сергей шел рядом с Викторией молча, не оглядываясь, и думал, что с завтрашнего дня точно начнет ходить в церковь и учить молитвы. Теперь, после увиденного, а больше неувиденного, он готов был поверить во что угодно.

Вика вернулась домой поздно, когда уже стемнело. Тревога не отступала. Обещание, которое она дала сегодня хозяину кладбища, рано или поздно придется выполнять. С ним шутки плохи. Но другого способа спасти парня она не знала.

Мама встретила ее на станции, бледная и встревоженная.

– Как прошло? – взволнованно спросила она дочь и взяла за руку.

– Ничего мам, ничего. Справилась. Только устала очень.

Домой шли молча. Вика ступала по грязи как в тумане. Отказалась от ужина, приготовленного к ее приезду, и слабо кивнула в ответ сороке, которая шумно застрекотала, едва увидев девушку.

Сейчас хотелось только спать и ни о чем не думать. Ночью Вика беспокойно металась по подушке, то зарываясь в нее лицом, то скидывая одеяло, которое во сне казалось ей лапищами Погостника, скрюченными и длинными, которые обвивали теперь ее тело вместо шеи Сергея.

Восстановиться, как следует, и заняться корешками да травами не удалось.

Уже на следующий день перед окном стояла бледная девушка лет двадцати, почти как Вика. Тонкая шея под вязаным толстым шарфом торчала, как у гусенка, которого хотелось накормить и обогреть, а челка свисала небрежно и косо, касаясь кончика носа.

Вика пригласила ее в дом и обратила внимание, что девушка очень внимательно смотрит на стены в комнате, будто что-то ищет. Под бледной тонкой кожей на руках различались тонкие голубые нити вен.

– Вы мне поможете? – девушка задрала подбородок и уставилась на Вику потухшими напуганными серо-голубыми глазами.

Вика с любопытством наблюдала и пыталась понять, что ту привело к ведунье. На несчастную любовь лицо девушки никак не указывало, не было на нем следов любовного томления, ревности или жажды поквитаться с соперницей. Наоборот, из нее будто сквозило страхом, но не простым, а особенным – холодным и мистическим.

– Рассказывай, – Вика присела на короткую скрипучую скамейку, а гостье указала на стул рядом со столом, предварительно шикнув на него, будто сгоняя оттуда кота.

– Нет, нет, это нужно увидеть. Я не могу описать словами то, что происходит у меня в квартире. Вы должны это видеть. А если так расскажу, все равно не поверите, – девушка шумно вздохнула и замерла, ожидая ответа ведуньи.

– Рассказывай, а потом посмотрим, надо ли мне ехать, – как можно мягче ответила Вика, скосив глаза на стул рядом со столом.

– Меня зовут Вера, – девушка поджала губы, – у меня это недавно началось. Вернее, не у меня, а в квартире. Сначала я думала, показалось, но нет. В квартире тени стали...они сошли с ума.

– Как это? – Вика удивленно изогнула бровь.

– Понимаете, я ухожу, а тень на стене остается на месте, и только спустя какое-то время возвращается ко мне.

– Это только с твоей тенью происходит? – серьезно спросила Вика и уставилась на угол печки, где что-то зашуршало.

– Нет, – будто извиняясь, Вера пожала плечами, – все тени дома ведут себя ненормально. И от лампы, и от книги, и от телевизора. Они живут своей жизнью и ходят, куда вздумается.

Вера увидела, как Вика отошла к печке и приложилась к ней ухом, вслушиваясь в ей одной понятные звуки, потом закивала головой, будто соглашаясь с услышанным.

– Ладно, подожди, я с тобой поеду, – сказала она Вере и помотала головой, – нехорошо это, совсем нехорошо.

Через два часа Вика заходила в темную квартиру на первом этаже серой кирпичной пятиэтажки. Уже на пороге появилось ощущение, что за ней наблюдают, и судя по движениям энергии, из углов с потолка.

Тени и правда жили своей жизнью, не подчиняясь человеческим законам, и не испытывали зависимость от света и угла его падения. Вика прислушалась. Из стен, из-под плинтусов, с потолка раздавались едва уловимые скребущиеся звуки, напоминающие царапанье кошки. Одновременно, со всех сторон. Поток холодного неожиданного воздуха коснулся ее шеи, качнув занавеску, хотя окна, форточка и двери не открывались.

Вера сзади вздрогнула. Кажется, она не различала скребущих звуков, потому что даже не поняла Викиного вопроса о том, давно ли они начались.

– Ты должна мне рассказать правду. Тени не сходят с ума просто так. Что ты сделала до того, как это началось?

Вера молчала.

– Если ты не расскажешь правду, я не смогу помочь, – сверху вниз посмотрела на девушку Вика.

Вера задохнулась, будто ей не хватило воздуха, покраснела и выдавила сквозь стиснутые зубы:

– Мой отчим...

Вика подошла к девушке, отодвинула челку у той с лица и заглянула в потухшие напуганные глаза, в которых скрывалась страшная тайна.

Вику обожгло от увиденного. Чужая боль качнула в сторону, и Вика отпрянула назад, часто моргая глазами, чтобы не заплакать. Кажется, девушка поняла, что ведунья все узнала. Присев на корточки, Вера заплакала.

– Ты сделала обряд? – Вика нервно терла свои ладони, переносицу и уголки глаз, пытаясь избавиться от гадкого ощущения после увиденного.

Не дождавшись ответа, она отправилась к двери, делая короткие частые выдохи. Вера тут же вскочила на ноги.

– Так вы мне не поможете? – обливаясь слезами, успела она сигануть вперед, обогнав Вику и загородив собой входную дверь.

– Уже поздно, – угрюмо себе под нос ответила Вика, сдерживая комок слез под горлом из-за ощущения своего бессилия. – Ты хоть понимаешь, кого выпустила?

Вика облокотилась на дверь, прижавшись к потертой обивке обеими ладонями, и медленно качнула головой слева направо.

– Я думала... я хотела отомстить, он все детство мучал меня, а мать не верила, – девушка сложила почти пополам, закрыв лицо руками.

– И тогда ты вызвала духов... – дрожащими губами продолжила Вика.

– Да, я просто прочитала заклинание из книги, и они сразу пришли. Сказали, ждут моей команды. А я...

– А ты испугалась и не стала натравливать их на отчима, верно?

Вера молча закивала.

– Да, я подумала, что даже если его не будет, я все равно не смогу простить, даже мёртвого. И еще... еще они потребовали взамен...

– Жертву... – расширила ноздри Вика, собирая волосы позади в пучок и перетягивая тугой резинкой. Потом замотала головой. – Я не знаю, как тебе помочь. У меня нет столько сил, чтобы справиться с ними. Ты выпустила слишком много духов, которые кормятся твоей ненавистью. Понимаешь? Теперь они не уйдут так просто. И даже если ты сменишь квартиру, они последуют за тобой. Я не могу, не могу. Тебе нужен кто-то сильнее меня.

– Кто? – девушка упала на колени и принялась целовать Викины ладони, – умоляю, помогите мне, помогите, помогите...

Вика сжала зубы, выдернула ладони, задев случайно сережку на мочке уха у девушки, та вскрикнула и, схватившись за потревоженную мочку, позволила ведунье уйти.

– Ну что я могу, что? – бормотала себе под нос Вика по дороге на вокзал. – Там черная магия, я не смогу их прогнать, не смогу... – Вика смахивала слезы, вспоминая боль от насилия, обиду на мать и ужас еженощных кошмаров, в которых Вера убивала отчима. Все это впечаталось в ее сознание и не отпускало.

Отчим насиловал Веру с двенадцати, а мать не верила собственной дочери. Даже спустя два года после того, как отчим с матерью переехали в другой город, Вера не смогла смириться с пережитым и ежедневно задыхалась от ненависти к отчиму и теперь – к матери.

Да, Вика понимала ее желание отомстить. Чисто по-человечески. Но не такой ценой. Не такой! Что теперь будет делать бедная глупая девчонка? Что?

Вика остановилась.

С одной стороны, помочь девушке прямо сейчас ведунья не могла. Собственного опыта почти не было. В эту минуту как никогда не хватало мудрого совета Большака, а еще больше – тайных записей Анисьи.

Вика решила вернуться и договориться с Верой, чтобы та подождала, пока Вика найдет верное средство от бесов. По крайней мере, попытается найти.

Дверь в квартиру так никто и не закрыл. Вера сидела на старом линолеуме, облокотившись к стене, и безразлично смотрела в одну точку, почти не моргая. На виске рьяно пульсировала тонкая голубая жилка, то ли смиряясь с принятым решением, то ли борясь с ним.

Одного взгляда на девушку было достаточно, чтобы понять – оставлять одну ее нельзя даже на час. Недоверчивый пристальный взгляд смутил Вику, но она выдержала его.

– Сегодня переночуешь у меня, пошли.

Глаза Веры сразу же сделались умоляюще-детскими. Она молча встала и вышла из квартиры вслед за ведуньей, не задавая вопросов.

Краем глаза Вика заметила ползущие к входной двери тени. Скорее всего, они последуют за Верой, которая сейчас принадлежит им. А если Вика впустит Веру на ночевку к себе, то может случиться нехорошее, потому что начнется борьба света и тьмы. И как оно потом повернется – неизвестно.

Старые вагоны электрички были переполнены, как спичечный коробок, из которого все спички достали, а потом к тем, что были, добавили новые, и запихнули все это обратно. Дышащие перегаром пассажиры с красными лицами, в толстых куртках, с рюкзаками и клетчатыми барыжными сумками давили друг другу ноги.

Вера сидела у темного окна и смотрела на свое отражение, сквозь которое проносились верхушки деревьев и черные поля в рваных белых лентах недавно выпавшего снега.

– Ты как? – спросила Вика, заметив сильную бледность и выступившие синие тени вокруг глаз девушки.

– Нормально, – Вера уткнулась лбом в стекло.

Вика глотнула и взяла Веру за холодные пальцы. Вера дернула плечом, а потом стихла. Скоро двери в вагоне раздвинулись, впустив внутрь холодный воздух.

Дома Вика показала Вере на раскладушку, где недавно ночевал Сергей, напоила девушку чаем, и когда та ушла отдыхать, села за стол.

В доме сразу стало беспокойно: то двери скрипели, то ручки на дверях дергались, то половицы ходили ходуном. Да и за домом сорока трещала чаще и громче, чем обычно. Но тени пока были на своих местах, значит, Большак справлялся, защищал территорию. Только вот за советом к нему сейчас Вика не пошла – не до того бедолаге.

На столе в два ряда пестрели в потрепанных от времени тетрадках с разбухшими обложками записи Анисьи. Вика нашла нужное, вчиталась и охнула.

Сердце у Веры прыгнуло отдельно прямо к горлу. Ей показалось, что в этом Охе таится бессилие ведуньи перед бесами. Девушка зажмурилась и беззвучно заплакала.

В подполе что-то убедительно загрохотало. Потом опять, громко так, трясухе, будто били кого-то с размаху, швыряли, прямо как в кино. Вера вжалась в раскладушку, поджав ноги, обхватила их руками и смотрела на Вику. У Вики внутри сначала ухнуло, потом стало прохладно.

Жаль Большака, это ж он сейчас там внизу страдает, а Вика помочь не может, надо средство для девушки искать. Неожиданно для Веры Вика запела, тихо так, протяжно, а может, и не запела, может, это заговор такой был специальный. Потом она замолчала, а песня все продолжала звучать в голове у Веры, и в комнатах, и на лестнице, и в погребе. Скоро возня прекратилась. Вика взяла свечку и полезла в погреб. Нужная ей вещь хоронилась там.

Рано утром Вика разбудила Веру, поставила перед ней чай с какими-то травами, положила бутерброд и велела поторопиться.

Ничего не объясняя, думая о своем колдовском и периодически перешептываясь с кем-то невидимым, только перед самым входом в квартиру Вика попросила Веру открыть дверь, дала ей в руки мел и велела нарисовать большой круг.

Как только круг очертился, тени на стене засуетились, и раздался шепот, который на этот раз Вика тоже услышала, нервно закрутив головой.

Тени забегали по пустым стенам, замелькали, будто рыбы под толстым льдом на реке. Шепот постепенно переходил в негромкий многоголосый гул на незнакомом языке. Прямо из стены к кругу полезла самая темная тень с зелеными точками, напоминающими волчьи глаза. Ползла и с шипением остановилась у белой дуги.

Вика вошла в круг к Вере, встала рядом и достала нож. Он сразу же стал ярким, и Вера разглядела блестящую режущую кромку, резную ручку, обхваченную медными кольцами по краям, и неизвестные буквы на рукояти.

Вика взяла Верину ладонь, раскрыла ее и вложила нож. Начала чертить в воздухе пальцем буквы, похожие на те, которые виднелись на рукояти. От этого буквы на ноже коротко загорались, как проволочки в старом обогревателе со спиралью.

Полыхало все чаще и больше. Вера щурилась, закрывала глаза, но черные следы от вспыхивающих букв через веки кружили ей голову.

Слезы на Викиных глазах дернулись и скользнули вниз, растаяв на губах. Ощущение невыносимой боли и ненависти, живущее в Вере и подвластное вызванным бесам, а также необходимость избавиться от них во что бы то ни стало, заставляли Вику верить в то, что все получится. Потому что иначе... Нет, иначе и быть не может. Все получится.

На лице Вики мелькнула решительность. Она сжала ладонь Веры с вложенным ножом.

– Будет больно, – кивнула она Вере, – очень больно. Но другого выхода нет. Понимаешь?

Тень с шипением поднималась вокруг круга, как штормовая волна, но пока не могла перейти белую дугу. Девушка закивала мелкой дрожью. Сжала руку с ножом со всей силы, и Вика повторила ее движение, инстинктивно сжав даже пальцы на ногах.

– Я верю... Я справлюсь...

Первая капля крови упала в круг.

Мелкие тени на стенах начали насакивать в панике друг на друга, почуяв неладное.

Вика зашептала в ухо Вере прерывисто, обдавая прохладным дыханием:

– Кровь – это память, кровь – это сила, кровь – это сознание, кровь – это дверь, надо отворить, надо вспомнить, надо простить. Живое и мертвое, густое и жидкое, любовь и ненависть...

Тут же нож длинным бугорком пополз под кожу, обдавая жаром и вымораживая одновременно.

Вера закрыла глаза.

Вере шесть лет. Она сидит на руках у мамочки, та целует ее за ушком и щекочет.

– Только ушко мое не ешь, – звонко смеется Верочка.

Звонок по телефону. Мама бледнеет и падает на пол без сознания. Верочка плачет, выходит на холодную лестничную площадку, кто-то из соседей вызывает скорую. Через неделю мама возвращается домой. Папы нет. Он умер. Мама по вечерам начинает пить вино, улыбается, говорит, ей так легче. Пьет одна.

Верочке восемь лет. Мама приводит в дом мужчину. От него пахнет чесноком и, как от мамы, вином. Он остается ночевать навсегда и больше не уходит.

Верочке девять лет, она замечает, что отчим подсматривает, как она переодевает нижнее белье, хочет закрыть дверь, но он запрещает ей приказным тоном. Верочка плачет и бежит к маме. Та утешает ее, просит быть пожебливей с отчимом.

Мама все больше влезает в долги и по пьяни подписывает документы о продаже квартиры. В одиннадцать лет Верочка приходит к маме со слезами и обвиняет отчима в том, что он лез к ней под блузку. Мама устраивает отчиму скандал, тот грозит выгнать ее с дочерью из своей квартиры. Мама притихает. На время перестает пить. Понимает, что натворила, и снова уходит в запой, потому что не в силах вынести реальность.

Вере двадцать. Она видит квартиру с белым кругом, выкупленную за кредит у отчима. Она смотрит на спившуюся мать, валяющуюся на кухонном полу общежития рядом с пустыми бутылками. Слышит, как отчим хвалится мужикам, что подцепил малолетку в одной из общажных комнат, и как той с ним в кровати хорошо.

Вера разжимает ладонь и подходит к нему. Сейчас она видит как-то иначе. Одновременно все, что было, и все, что сейчас есть, в разных местах. Вера берет нож за рукоять. Тени в ожидании ужина движутся все быстрее по стенам общежития, обгоняют друг друга, собираются

вокруг комнаты, где пьет отчим. Еще чуть-чуть, Вера вонзит в него нож, прямо в сердце, чтобы наверняка, а потом тени сожрут его тело.

Вера вздрагивает. Может, тени пришли за ней? И как только она свершит месть, тени заберут ее? Ведь они ждут жертву. Вера не понимает, что и как правильно делать. Она поднимает глаза и слышит с неба голос Вики, напевающий монотонные слова на незнакомом языке.

Вера не понимает, что означают слова ведуньи, но чувствует, что внутри этих звуков другая жизнь. Чистая, светлая, наполненная тихой радостью, благодарностью за то, что жива, за то, что не калека. И все, что нужно сделать, чтобы получить эту жизнь – выпустить нож, прямо сейчас, выпустить и прогнать тени, довериться светлому голосу, выбрать другую жизнь, поверить в то, что может быть иначе.

– Давай же, давай, – говорила сама с собой Вика, беспокойно оглядываясь на темную тень, полностью заполнившую комнату и бушующую сейчас как море в шторм.

Если Вера сейчас выберет месть, тени поглотят ее, станут еще сильнее, тогда и Вика вряд ли сможет справиться с ними, и тени сожрут ее тоже.

Вера задыхается, немо вскрикивает и роняет нож на грязный пол. Отчим сейчас видит ее. Разинув рот и округлив мутные глаза, тычет в нее пальцем, хватаясь одной рукой за сердце. Тени довольны, тени ждут. Серый воздух в комнате сгущается. Пахнет серой.

Глаза у Веры светятся, как лазерный фонарик, с необычно красивым лиловым светом. Она отшвыривает нож ногой. Кто-то проводит по ее лицу вышитым белым полотенцем слева направо. Не вытертая слеза поблескивает на щеке.

Слеза прощения...

Вика выдыхает. Тени вокруг жалобно перешёптываются, сбиваются стайками, уползают в углы, под люстру, под плинтуса.

Вика слышит, как за окном проносится скорая. Чувствует приближающуюся смерть мужчины из общежития неподалёку. Выживет ли?

Скоро рассвет.

Вика вернулась к себе домой вместе с Верой, потому что та никак не могла прийти в себя. Несколько дней на свежем воздухе под присмотром заботливой ведуньи, разделившей жизнь девушки на «до» и «после», запах пряных трав, ласковое трещание сороки за окном быстро поставили Веру на ноги.

Вике очень хотелось покоя и отдыха. По дороге со станции, от которой электричка с новыми вагонами, пахнувшими внутри пластмассой, увезла Веру, ведунья почувствовала на себе пристальный взгляд в спину. Остановилась.

– Ты что ли вместо Анисьи будешь? – раздался незнакомый сиплый женский голос.

– Я, – Вика повернулась и встретилась глазами с пухлой, видимо, местной жительницей с сумкой на колесиках.

– На вот, принимай гостей, – подтолкнула та вперед себя ладонью девочку-подростка, в куртке с рукавами на три сантиметра выше кисти и с пакетом в руках. – В вагоне одном ехали, про тебя спрашивала. Только объяснить толком ничего не может. От полицейских шарахается, говорит, только ты помочь можешь, – женщина развела руками.

Вика посмотрела в глаза девочке и кивнула:

– Здравствуй, рассказывай, что случилось?

Девочка хотела что-то ответить, но из горла выскочила только нервная струйка воздуха. Вика обняла девочку.

– Все, все, я поняла. Пойдем в дом. Пойдем. Все хорошо будет. Не переживай так.

Девочка послушно шагала рядом с ведуньей, рассматривая вдавленные темнеющие следы на снегу после сумки с колесиками. Вика шла не спеша, надеясь разговорить незнакомку еще в дороге, но та упорно молчала, изредка хлюпая носом. Недалеко от дома возле серо-черной березы с изломанным стволом девочку прорвало.

Поначалу-то Вика думала, какая бы ни была история у девочки, но все-таки она несовершеннолетняя, и надо будет сообщить в полицию, что появилась здесь такая. Скорей всего, и родители ищут. Но когда девочка начала рассказывать, Вика поняла, что полиция сделает только хуже, вернув девочку матери.

Але было тринадцать, но рассуждала она почти как взрослая.

– Первый раз я испугалась неделю назад, – всхлипывала девчужка. – Вернулась домой со школы раньше, чем обычно. У нас физичка заболела, и после пятого урока отпустили. У подъезда увидела маму, хотя она должна была быть на работе. Она в новом бежевом клетчатом пальто, которое мы ей вместе выбирали, стояла, задрав голову к небу, и ничего не делала. Правда, иногда вдруг начинала на месте топтаться и под ноги себе смотреть. Я подумала, что, может быть, ключи потеряла? Решила ее напугать, подкралась сзади и крикнула в ухо: «Работу прогуливаешь?» Она даже не шелохнулась, будто я только что и не кричала. Прямо как глухая.

Я еще раз ее позвала. Она повернулась и стала меня рассматривать, как будто первый раз видит. А потом по-нормальному так, как обычно мне: «Ты чего не в школе?». Но улыбка все равно странная. Я сказала, что у нас физичка заболела, а мама молча повернулась и пошла в подъезд. Я за ней, подумала, может, настроение плохое или мало ли что. Но дома стало еще хуже.

Она переделалась в домашний велюровый костюм и начала готовить на кухне сразу несколько блюд, как будто мы ждали гостей. А когда я пришла попросить еды, замерла на полсекунды, и снова меня не видит и не слышит. Под нос песню какую-то себе напевает и все по доске ножом стучит. Мясо ножом изрубил так, что и мясорубки не надо. Я взяла немного колбасы нарезанной, хлеба и ушла к себе. В наушниках сижу, музыку слушаю, бутеры жую.

Тут боковым зрением замечаю что-то синее у плаката с Эдом Шираном на двери слева. Вроде как, мамина кофта. Значит, мама пришла. Стоит молча, не двигается. Думаю, может, поговорить пришла? Поворачиваюсь, а никого нет. Выхожу на кухню, там тоже пусто. Только стол, накрытый человек на десять. Я ее позвала, не отвечает. Вижу, синий рукав торчит из переполненного мусорного ведра на кухне.

Это же мамина любимая кофта! Зачем она ее выкинула? Я нагнулась над ведром, чтобы рассмотреть, точно ли та кофта, дотронулась до нее пальцем и меня как щелкнет током. Даже искру увидела. Я непроизвольно закричала. С детства боюсь электричества и всего, что с ним связано.

И тут слышу сзади:

– Аля, ты уже пришла? – мама стоит сзади в новом сером клетчатом пальто, – как это ты раньше меня успела? А кофту-то зачем мою любимую выкинула?

Я смотрю на маму и понимаю, что нифига не понимаю, что происходит. Мама медленно переводит взгляд с ломящегося стола на меня.

– Ты молодец, конечно, столько приготовила, но кофту не надо было выкидывать. А где продуктов столько взяла? Купила? А откуда у тебя столько денег? Я же тебе только на карманные даю... Копила, что ли?

Не дожидаясь моих ответов, мама ушла к себе в комнату.

– А где мой велюровый костюм? А, вот он. Странно, я же его в шкафу оставляла.

Я подумала, что схожу с ума. Вернулась к себе в комнату, врубила музыку, и все ждала, что мама опять зайдет. Но она не зашла. Когда стемнело, я вышла на кухню, заглянула в мамину комнату. Там никого не было.

Тут я услышала щелчок входной двери. Мама пришла или уходит? Я выглянула в коридор. Пусто. Значит, ушла. Но куда, на ночь глядя? И мне ничего не сказала. Я подумала, что, скорее всего, она пошла выносить мусор, ну а куда еще?

Я закрыла дверь изнутри, чтобы, если мама придет, услышать, потому что когда внутри закрыто на самодельный засов, дверь снаружи не открыть. И снова ушла к себе, но наушники не стала надевать, чтобы не пропустить звонок. Через минут тридцать в дверь позвонили.

Я побежала в коридор. В глазок увидела маму в синей коффе. Она ее из помойки вытащила, что ли? Я открыла дверь. Мама качнулась вперед, и волосы закрыли все ее лицо. Молча она зашла в квартиру, я догадалась, что она, наверное, выпивши. Иначе почему еще качаться может?

Она ввалилась в квартиру и рывкнула на меня, как будто я уроки прогуливала, и ей об этом классная наша только рассказала. Типа, чтоб я убиралась с её глаз.

В общем, я решила обо всем этом не думать, и так своих проблем хватает, и ушла спать, хлопнув дверью.

Утром я застала маму на кухне рядом с горой вымытой посуды. У мамы было очень странное выражение лица. Она стояла рядом с раковиной и смотрела куда-то влево в пол.

Щеки за ночь у нее сильно впали, брови выгнулись, и взгляд какой-то оловянный, застывший. Я позвала ее, и она повернулась ко мне, но не как обычно, а коротко так, не поднимая глаз, а потом по-гусиному, мелкими шажками держась за стену, посеменила к себе в комнату.

Тут я поняла, что с мамой творится какая-то чертовщина. Она никогда себя так не вела раньше. Даже когда папа от нас ушёл два года назад.

А может это, и не мама вовсе?

Аля устала ждать на Вику, ожидая, что та сейчас сразу объяснит, что происходит с мамой и что делать. Но ведунья вдруг замерла, скосила глаза на ворота у дома и повела левым ухом в сторону калитки. Дверь в воротах качалась, поскрипывая, хотя ветра не было.

«Наверное, Большак встречает», – подумала Вика.

– Аля, подожди, – придержала она девочку одной рукой, вглядываясь в следы перед воротами. Какими-то неожиданными и совсем нежданнами выглядели они здесь.

Вика заглянула во двор и обомлела. На крыльце, прислонившись черной щекой к облупившимся доскам дома, сидел Борис.

– Этого мне еще не хватало?! – сердце Вики забило тревожным страхом. Она ожидала увидеть Погостника, который пришел за обещанным, Большаком, потасканного и побитого после битвы с бесами, или, быть может, Варьку, вернувшуюся довести начатое до конца. Но никак не Бориса.

Тот смотрел на нее так, будто разучился моргать. В углах губ его дрогнула легкая многозначительная улыбка.

– Значит, здесь теперь обитаешь? – покачал он головой, вытянув губы. – И учебу бросила и меня, чтобы вот это вот все...

Вика сморщилась. Запах перегара заполнил собой пространство, и она закашлялась. С надменной самоуверенностью Борис повел головой сверху вниз.

– Таких, как я, не бросают, – продолжал вытягивать Вику на разговор Борис, не обращая внимания на девчущку, которая, заподозрив любовные разборки, отошла на несколько метров назад и вслушивалась в разговор, стоя вдоль забора.

Вике становилось гадостно и безнадежно. «Как я могла любить такого уроды? Он же пьёт каждый день, и лярва вон у него за плечом сидит», – думала Вика. Лярва, почувствовав к себе внимание, юркнула к Борису в ухо, видимо, чтобы связать его язык еще сильнее и выгрызть остатки мозга.

Вика представила, как бы сложилась ее жизнь, если бы она попыталась тогда сделать отворот на Бориса не для ведьмы Варьки, а для обычной девчонки.

Зажмурилась, и под веками вспыхнула картинка: длинный ненастный вечер, за окном ревет ветер, Вика тревожно ходит по комнате общежития взад и вперед, пытаясь в уме сосчитать, хватит ли денег до зарплаты или опять придется занимать. В комнате из мебели только шкаф, кровать и два стула. Стены обклеены дешевыми обоями с пятнами плесени у пола. На кровати, свесившись левой ногой и рукой, храпит пьяный Борис, заполняя комнату душным запахом бедности и безысходности.

– Брр, – она отпрянула в сторону и замотала головой. – Иди домой, – сказала строго Борису, – и не приходи сюда больше, а как придешь, так язык забудешь.

Вика прищурилась, выхватила свою руку из-под мышки, будто градусник достала, зыркнула на Бориса и бросила резко: «На слова мои печать!».

– Че-е-е? – попытался заржать Борис с интонацией гопника, но Вика обрубил его фразой.

– Вода в рот.

– М-м-м-м, – замычал Борис, округлил глаза и принялся ощупывать свои губы, которые не разжимались.

– Пойдем в дом, холодно, – Вика взяла Алю за руку и повела мимо Бориса, не обращая на него никакого внимания.

Тот испуганно тряс головой и безуспешно пытался разжать губы.

– Это ваш муж? – Аля испуганно прислушивалась к мычанию за дверью.

– Нет, ошибка юности, – Вика задумчиво смотрела в окно: ей казалось, чего-то не хватает в уже привычной картине. – Или нет, ступенька, – продолжила она, взяв у девочки куртку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.